

Светлов П. Я., прот. Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания: (Богословско-апологетическое исследование): [Философско-историческое или историософическое значение идеи Царства Божия] // Богословский вестник 1903. Т. 1. № 4. С. 595–635 (3-я пагин.). (Продолжение.)

ИДЕЯ ЦАРСТВА БОЖІЯ

въ ея значеніи для христіанскаго міросозерцанія.

(Богословско-апологетическое изслѣдованіе) ¹⁾.

Толстой. Общее понятіе о царствѣ Божіемъ у Толстого.—Непротивленіе злу, съ вытекающимъ изъ него послѣдствіями, какъ путь къ установленію царства Божія.—Религиозно-общественный идеаль Толстого или положительное содержаніе его понятія о царствѣ Божіемъ.—Опрощеніе, вмѣсто развитія, и отрицаніе жизни, вмѣсто ея обновленія и улучшенія Евангелиемъ.—Преимущества Гоголя и Достоевскаго передъ Толстымъ и ихъ слабость по сравненію съ нимъ.—Мѣсто и заслуги Толстого въ исторіи русскаго самосознанія и религиозно - общественной мысли. — *Заключеніе:* оснoвная идея всѣхъ трехъ писателей о личномъ совершенствѣ, какъ условіи общественнаго блага, и одностороннее ея выраженіе у нихъ. — Общая заслуга Гоголя, Достоевскаго и Толстого передъ русскимъ общественнымъ самосознаніемъ и мѣсто ихъ въ исторіи такъ называемаго современнаго религиозно-философскаго или идеалистическаго движенія въ Россіи.

Главнѣйшее несчастіе нашей жизни, основная причина страданій современнаго человѣчества лежитъ не тамъ, по ученію Толстого, гдѣ обыкновенно ищутъ ихъ образованные люди,—не во внѣшнихъ матеріальныхъ условіяхъ, не въ политическихъ, общественныхъ и экономическихъ отношеніяхъ,—нѣтъ: все это только слѣдствія, а причина лежитъ въ недостаточномъ воздѣйствіи на жизнь христіанства. Почему же христіанство слабо дѣйствуетъ въ нашей жизни? Потому что истинное христіанское ученіе искажено и подмѣнено другимъ ученіемъ,—церковнымъ, заслонившимъ отъ человѣчества животворное христіанское ученіе. На разобла-

¹⁾ Продолженіе. См. Маргъ стр. 461—498.

ченіе ложнаго христіанства и возстановленіе истиннаго должны быть направлены усилія всѣхъ лучшихъ людей нашего времени. Вѣдь если чѣмъ можно обновить міръ, то силою только христіанской религіи. Революція, социализмъ, мирный путь прогресса и цивилизаціи—все это безсильно передъ зломъ и способно только увеличить его сумму. Зло заключено въ самой цивилизаціи нашей, въ ея противно-нравственной, противно-христіанской сущности. Христіанство есть отрицаніе власти, государства, присяги, суда, войны, церкви (выдуманной людьми), патриотизма,—всего того, чѣмъ живутъ люди и безъ чего они не могутъ и представить себѣ жизнь,—отрицаніе всего уклада современной культурной жизни. Спасеніе общества въ жизни отдѣльныхъ лицъ, согласной съ Евангеліемъ, ученіемъ Христовымъ, въ исполненіи заповѣдей Его. Это — единственный и самый легкій путь къ осуществленію царства Божія на землѣ: *царство Божіе внутри насъ*, начало и основаніе ему полагаются въ нашей душѣ исполненіемъ заповѣдей Христа. Но исполнить заповѣди Христа, требованіе евангельской самоотверженной любви, даже ко врагамъ, трудно? Да, но въ христіанствѣ Толстого исполненіе Евангельскаго нравственнаго ученія облегчается сведеніемъ его къ нѣсколькимъ опредѣленнымъ правиламъ внѣшняго поведенія, именно къ извѣстнымъ пяти заповѣдямъ: „не блуди“, „не сердись“, „не присягай“, „не противься злему“, „не воюй“. И безъ любви въ сердцѣ, однимъ послѣдовательнымъ примѣненіемъ къ жизни этихъ пяти правилъ, вообще—непротивленіемъ злу силою мы легко водворимъ въ себѣ и внѣ себя царство Божіе. Если-бы всѣ согласились исполнять эти пять заповѣдей, то это и означало-бы, что царство Божіе осуществилось на землѣ. Гдѣ исполняютъ пять заповѣдей, тамъ тотчасъ прекращается военная служба, исчезаетъ войско, а съ нимъ государственная власть, опирающаяся на войско, а съ государствомъ, этой искуснѣйшей и сложнѣйшей организаціею всяческаго зла, исчезнуть націонализмъ, войны, судъ, полиція, присяга, частная земельная собственность, обремененіе работающихъ податями, капитализмъ и т. д., включительно до церкви, — весь общественный строй, основанный на насилии....

Благодѣтельное значеніе непротивленія злу, какъ сред-

ства ликвидаціи европейской цивилизаціи, достаточно иллюстрировать однимъ примѣромъ, — рѣшенія важнѣйшаго общественнаго вопроса. Таковъ социальнo-экономическій вопросъ. Въ немъ завязываются въ гордіевъ узелъ всѣ вопросы жизни, и если этотъ узелъ легко развязывается непротивленіемъ, то объ остальныхъ затрудненіяхъ и говорить нечего.

Простое и ясное рѣшеніе сложной социальной проблемы дается намъ въ одномъ изъ послѣднихъ сочиненій Л. Н. Толстого ¹⁾. Сущность его передадимъ кратко.

„Землю владѣютъ не тѣ, которые ее обрабатываютъ.. Податями, которыя взимаются со всѣхъ, пользуется лишь небольшое число людей и при томъ— не тѣ, которые ихъ платятъ.. Фабриками владѣютъ не тѣ, которые ихъ выстроили и тамъ работаютъ, но тѣ, которые не строили и въ нихъ не работаютъ“. Въ этомъ социальное зло. Гдѣ причины зла? Въ отвѣтъ на это Л. Толстой пишетъ: „пусть рабочій попробуетъ пахать чужую землю, нужную ему для пропитанія, или уклониться отъ уплаты прямыхъ или косвенныхъ налоговъ, или же—пусть только попробуетъ онъ взять себѣ имъ же самимъ добытые хлѣбные запасы, или—орудія производства, безъ которыхъ онъ не можетъ работать,—явятся солдаты и сплю воспрепятствуютъ ему въ этомъ“... Отсюда ясна причина зла: оно существуетъ „потому только, что существуетъ войско, которое охраняетъ земельное владѣніе богачей, отбираетъ у рабочихъ подати въ пользу богатыхъ и обеспечиваетъ богачамъ спокойное обладаніе фабриками и дорогими машинами“... Такимъ образомъ, ближайшая причина зла есть существованіе войска, воинской повинности. Отсюда дѣлается простой выводъ къ радикальному устраненію зла: надо сдѣлать такъ, что бы войска не было; а это сдѣлается легко и само собою обязательнымъ исповѣданіемъ каждого общепризнанной истины о безнравственности военной службы, возводящей въ законъ преступленіе противъ шестой заповѣди. Другими словами, войско и военная служба уничто-

¹⁾ Graf Leo Tolstoi. *Aufruf an die Menschheit*. Leipzig 1901. (См. стр. 19; 28, 29, 36; 36—37, 67, 68, 46—47, 38, 66, 67; 39, 40, 41, 65). „*Воззваніе къ человечеству*“ Л. Толстого состоитъ изъ предисловія переводчика (1 — 2. стр.) и трехъ главъ: 1. „Muss es denn wirklich so sein?“ (3 — 49). — 2. „Wo ist der Ausweg?“ (50—69). — 3. „Gedanken über Gott“ (70—113).

жаются систематическимъ отказомъ отъ исполненія воинской повинности. Всѣ другіе пути къ устраненію зла, предлагаемые наукою, социализмомъ разныхъ красокъ и революціею, логично отвергаются авторомъ „Воззванія къ человѣчеству“, какъ непригодные. Авторъ указываетъ при этомъ, какъ взяться за это дѣло и что нужно для осуществленія предлагаемой имъ мѣры въ борьбѣ съ милитаризмомъ. Собственно самъ милитаризмъ не есть послѣдняя коренная причина социальнаго зла: корень зла въ ложномъ христіанскомъ ученіи, которымъ порожденъ и старательно поддерживается милитаризмъ. А потому прежде всего „необходимо уничтоженіе того ученія, которое называется христіанскимъ и въ которомъ воспитываются люди нашего времени“. По ученію ложнаго христіанства „военная служба есть нѣчто доброе и похвальное, и убійство на войнѣ не есть что-либо грѣховное“, но даже „богоугодное“... Это для всѣхъ знающихъ Евангеліе и развитыхъ людей есть явная ложь, ибо война, какъ всякое убійство, противна религіи и нравственности, и военная служба, съ ея обезличивающею дисциплиною, несомнѣстима съ достоинствомъ человѣческой личности. Ложь эта сознательно поддерживается тѣми, кому она выгодна, и солдаты—это ужасныя жертвы систематическаго обмана, нѣсколько вѣковъ практикующагося въ христіанскихъ странахъ. Обманъ этотъ выгоденъ господствующимъ классамъ. Христіанство явилось въ міръ отрицаніемъ всего его обычнаго строя,—государства, войска, собственности и т. д., „огнемъ, разрушительною силою“, невыгодною для сильныхъ міра сего. Отсюда подавленіе этой силы стало всепоглощающею заботою сильныхъ, и лучшимъ средствомъ для этой цѣли оказалось постепенное искаженіе христіанскаго ученія, въ результатъ котораго оно въ „концѣ концовъ“ выродилось въ такое ученіе, которое теперь не содержитъ въ себѣ уже не только какихъ-либо опасныхъ для язычества принциповъ, но даже оправдываетъ съ христіанской точки зрѣнія языческой міропорядокъ“... Въ правилахъ и понятіяхъ этого ложнаго и „стерилизованнаго“ христіанства, съ такою заботливостію изъ чувства самосохраненія вырощеннаго правящими классами, воспитывается теперь простой народъ, попреимуществу становящійся жертвою обмана. Обычно, къ участію въ этомъ обманѣ, и самому зна-

чительному, пылкимъ воображеніемъ писателя привлекается духовенство или, что тоже у Толстого, церковь. „Правительство, держащее въ своихъ рукахъ собранныя съ народа деньги, прежде всего за эти деньги покупаетъ учителей и духовенство, которые всѣми средствами обязуются и дѣтямъ, и взрослымъ внушать, что военная служба есть дѣло хорошее“ и т. д. ¹⁾ Такимъ образомъ коренная причина соціального зла въ концѣ концовъ заключается въ господствѣ ложнаго христіанства, поддерживаемаго обманомъ, а потому въ качествѣ дѣйствительнаго средства въ борьбѣ со зломъ, кромѣ систематическаго уклоненія отъ воинской повинности, увазывается еще самая энергическая борьба съ ложнымъ христіанствомъ и обличеніе обмана...

Ученіе Л. Н. Толстого о царствѣ Божіемъ или его религиозно-общественный идеаль можно разсматривать съ двухъ сторонъ: 1) со стороны *способа осуществленія* его и 2) со стороны его *положительнаго содержанія*.

Путь, указываемый Толстымъ, къ осуществленію царства Божія на землѣ, не представляется вѣрнымъ и дѣйствительнымъ. Въ сущности, это внѣшній путь преобразования жизни, на которомъ терпѣли неудачу всѣ реформаторы,—тотъ путь, гдѣ въ улучшеніи жизни идутъ не изнутри наружу, идутъ не отъ причины къ слѣдствію, а отъ слѣдствія къ причинѣ. У Толстого слѣдствіе предшествуетъ причинѣ, конецъ—началу: въ царствѣ Божіемъ Л. Н. Толстого люди и теперь не клянутся, не разводятся, не противятся злу силою и т. д., т. е. дѣлаютъ все то, что есть слѣдствіе духовнаго перерожденія людей. И все это въ царствѣ Божіемъ у Толстого дѣлается безъ предшествующаго духовнаго обновленія при помощи нѣсколькихъ правилъ, касающихся не внутренней жизни человѣка, а лишь внѣшняго его пове-

---

¹⁾ Заявленіе о „подкупѣ“ есть плодъ фантазіи Л. Толстого, направляемой, вѣроятно, чрезмѣрною подозрительностью: о войнѣ вѣское слово сказано въ духѣ „подкупленнаго духовенства“ Достоевскимъ и Владиміромъ Соловьевымъ, которыхъ едва-ли даже Л. Толстой рѣшится обвинять въ неискренности и лжи (*Достоевскаго* „Дневникъ Писателя“ за 1876 г. апр. X, 153—158; *Влад. Соловьевъ* „Три разговора“ и „Оправданіе Добра“ стр. 513—548). Отсюда вытекаетъ важное заключеніе: значить, можно и безъ подкупа высказывать взгляды, несогласные со взглядами Л. Н. Толстого?

денія въ отношеніяхъ къ людямъ. Этими правилами искусственно и какъ-бы *насилъственно* хотятъ установить то, что *естественно* явилось-бы слѣдствіемъ духовнаго обновленія людей или наступленія *царства Божія внутри ихъ* (Лк. XVII, 21). Но хотя Л. Толстой и пишетъ о царствѣ Божіемъ, внутри пребывающемъ, однако, полагая его въ исполненіи пяти правилъ внѣшняго поведенія, онъ въ сущности оставляетъ *свое* царство совсѣмъ безъ царства Божія и не полагаетъ ему начала въ душѣ человѣка. Войны, конечно, не будутъ только тогда, когда въ самое сердце и въ глубину сознанія народовъ проникнутъ начала всеобщаго братства и любви; клятвы и присяги ненужны будутъ тогда, когда люди перестанутъ лгать (чего никогда не будетъ); суды и законы ненужны станутъ безъ преступленій, разводъ—безъ нарушенія брачнаго союза *de facto*; противленіе злу прекратится, когда не будетъ зла. Всего этого нельзя установить и достигнуть одними заповѣдями и учрежденіями, пока условія или причины этого не создадутся внутри, въ душѣ человѣка. „Требовать, какъ то дѣлаетъ графъ Толстой, упраздненія судовъ и законодательства раньше, чѣмъ исчезла въ насъ самихъ злая воля, которая дѣлаетъ ихъ необходимыми, значитъ требовать уничтоженія аптекъ и лекарствъ въ самый разгаръ эпидеміи. Суды и законодательства несомнѣнно указываютъ на существованіе зла: видѣть въ нихъ корень зла также неосновательно, какъ признать аптеки и лекарства за причину эпидеміи; не только требовать, но даже только желать ихъ немедленнаго уничтоженія значитъ требовать и желать кровавой оргіи анархій“ (Неплюевъ).

Что представляетъ собою въ положительномъ смыслѣ религиозно-общественный идеаль гр. Толстого или, другими словами, что такое его царство Божіе? Для всякаго очевидно, что царство Божіе Л. Толстого, сведенное къ пяти правиламъ внѣшняго поведенія, не есть царство Божіе Евангелія, которое внутри насъ и изъ котораго вырастаетъ царство Божіе внѣ насъ, какъ общественный порядокъ, основанный на Евангеліи. Царство Божіе въ ученіи Толстого представляетъ по своему содержанію нѣчто очень бѣдное, лишенное разнообразія жизни, нѣчто трудно воображимое, какъ пустота... Оно—отрицаніе жизни (науки, искусства, го-

сударства, національности и т. д.) вмѣсто ея утвержденія, признанія, освященія. Въ составъ царства Божія не включается культура, общественная жизнь, какъ „мыльный пузырь“ и „ни къ чему ненужная чепуха“... Что же нужно, что реально и остается въ границахъ царства Божія? Жизнь, сведенная къ самымъ ея элементарнымъ и первоначальнымъ потребностямъ. Жизнь и счастье человѣка („Въ чемъ счастье?“) сводятся, въ концѣ концовъ, на минимумъ животнорастительнаго существованія: общеніе съ природою или жизнь на лонѣ природы, здоровый физическій трудъ, дающій крѣпкій сонъ и аппетитъ, общеніе съ близкими, со всѣми людьми, тѣлесное здоровье ¹⁾... Однимъ словомъ, это есть то, что получило названіе „опрощенія“. И такъ, опрощеніе—вмѣсто развитія и отрицаніе—вмѣсто утвержденія жизни—вотъ положительная суть и содержаніе ученія Толстого о царствѣ Божіемъ. Высокое содержаніе и цѣль жизни Л. Толстой пытается сообщить ученіемъ о любви къ людямъ (больше даже, чѣмъ къ себѣ...), какъ о сущности истинной жизни, ея смыслѣ. Неудачная попытка! Любовь къ людямъ заранѣе осуждается всею метафизикою ученія Толстого, его пантеистическимъ отрицаніемъ личности человѣка, живыхъ, дѣйствительныхъ людей съ ихъ дѣйствительными живыми интересами, стремленіями, чувствами, — отрицаніемъ всего, чѣмъ живутъ люди, включительно до тѣла, какъ скверны, и всей земной жизни, какъ призрака и обмана; любовь осуждается подмѣною дѣйствительной личности какимъ-то „разумнымъ сознаніемъ“, т. е. пустой фикціею, метафизическою абстракціею. Любви подрѣзаны крылья въ ученіи Л. Толстого отрицаніемъ вѣчнаго смысла этой жизни и человѣческаго существованія, — отрицаніемъ загробной жизни, личнаго безсмертія. Можно-ли любить метафору или призракъ, въ которыя превращаются ученіемъ Толстого жизнь и человѣкъ? Любовь на почвѣ метафизики Толстого есть психологическая невозможность. Естественнѣе здѣсь спокойное и созерцательное равнодушіе стоиковъ, Будды и Спинозы...

Алчущіе и жаждущіе правды устремились къ ученію Толстого—и не обрѣли въ немъ воды живой, текущей въ жизнь

¹⁾ Ср. Graf Leo Tolstoi. Worin besteht mein Glaube? Leipzig 1885, p. p. 210—216.

вѣчную, и „въ настоящее время толстовство можно считать минувшимъ явленіемъ“ въ этомъ смыслѣ ¹⁾. Минувала пора трогательно-наивной вѣры въ живительную силу ученія того человѣка, который былъ и остается только первымъ среди алчущихъ и жаждущихъ правды, а не учителемъ жизни, источникомъ живой воды. Если сравнивать Толстого съ Достоевскимъ и даже съ Гоголемъ въ данномъ отношеніи, то преимущество несомнѣнное останется на сторонѣ этихъ его предшественниковъ: ученіе ихъ гораздо богаче положительнымъ своимъ содержаніемъ, — они не отрицали коренныхъ общечеловѣческихъ и народныхъ основъ жизни и во всей силѣ признавали историческое христіанство и церковь, особенно—Гоголь. Но и на сторонѣ Л. Толстого есть преимущество передъ Достоевскимъ и особенно надъ Гоголемъ, имѣющее значеніе большой общественной заслуги. Такое значеніе имѣетъ критика современнаго церковнаго и общественнаго строя жизни, едва намѣченная у консервативнаго Гоголя и недостаточная у Достоевскаго тамъ, гдѣ послѣдній, въ качествѣ славянофила, смотритъ на русскую дѣйствительность чрезъ розовые очки. Здѣсь я говорю о заслугѣ Толстого, признанной всѣми въ русскомъ образованномъ обществѣ. Л. Н. Толстой сталъ дорогъ образованному обществу, какъ живое и могучее воплощеніе стремленій времени къ высшей правдѣ жизни и остраго недовольства рѣзкимъ разладомъ дѣйствительности и христіанской совѣсти. Имя Толстого стало знаменемъ всего, рвущагося къ свѣту и правдѣ, его слово — совѣстью общества, ея выраженіемъ. Безпошадно-обличительное слово Толстого находило глубокій откликъ въ душахъ, утомившихся зломъ жизни, и давало имъ высокое нравственное удовлетвореніе. И само по себѣ указаніе язвъ современной жизни и ихъ обличеніе сильнымъ словомъ Л. Толстого представляютъ большую общественную его заслугу: положительной работѣ созиданія царства Божія несомнѣнно должна предшествовать разрушительная,—разчистка путей къ царству Божію. Эта немало-важная задача выпала на долю Л. Толстого, а какъ онъ исполнилъ ее и какъ употребилъ сжигавшій его душу пла-

¹⁾ Журн. *Новый Путь* 1903, № 3, 98 („Записки религіозно-философскихъ собраній“).

мень любви къ истинѣ и добру, объ этомъ не намъ судить окончательно. Мы можемъ только отмѣтить недостатки здѣсь несомнѣнные, очевидные. Главный недостатокъ, столь характерный для Толстого вообще, это—гиперболизмъ, чрезмѣрность отрицанія, излишество обличенія. Отсюда вытекаетъ все прочее. Разрушительнымъ ураганомъ пронеслось надо всѣмъ бичующее слово Толстого, не щадя ничего на своемъ пути, задѣвая съ дурнымъ и хорошее, (со зломъ добро, обращая все въ пустыню и пепель. Что уцѣлѣло отъ такой критики?... Отвергая „ложное христіанство“, несомнѣнно представляющее собою дѣйствительную величину, нашъ писатель отвергнувъ, къ сожалѣнію, и истинное христіанство! Здѣсь, можетъ быть, съ особенною силою сказала манера его, какъ выражается Гоголь, „дѣйствовать сплеча“,—по излюбленной имъ самимъ пословицѣ: „разсердившись на вшей, да и шубу въ печь!“ Ложные христіане сводятъ религію духа къ обрядности — долой культъ! Ложные христіане религію любви свели къ мертвой догмѣ, какъ единственно главному въ этой религіи съ забвеніемъ любви, неотдѣлимой отъ вѣры, — и вотъ христіанство очищается отъ догматовъ, является христіанство безъ Христа!.. Ясное дѣло, въ чемъ недостатокъ критики Толстого: ея не вездѣ правильно отмѣчается зло и бѣлое дѣлается чернымъ, а черное—бѣлымъ.

И такъ, на естественный и первый вопросъ, въ чемъ зло, Толстой не вездѣ даетъ отвѣтъ вѣрный и вынуждаетъ насъ къ его критикѣ относиться осторожно. Съ этимъ связанъ и другой недостатокъ критики Толстого: неправильное объясненіе причинъ зла. Объясненіе причинъ зла — одинъ изъ слабыхъ пунктовъ въ моральной философіи Толстого. Достаточно въ примѣръ этого привести объясненіе происхожденія ложнаго или, точнѣе, несовершеннаго, неистиннаго, христіанства въ сочиненіяхъ Толстого.

Великую заслугу Л. Толстого передъ обществомъ и даже передъ церковью, если хотите, составляетъ настойчиво проводимая имъ мысль о господствѣ въ жизни ложнаго христіанства, какъ главной и общей причинѣ всѣхъ золъ современной европейской жизни. Но откуда само ложное христіанство? Вотъ вопросъ капитальной важности въ этомъ случаѣ! И на этотъ вопросъ отвѣтъ дается невѣрный, „ложный“, говоря языкомъ самого Л. Н. Толстого.

Всѣмъ извѣстно объясненіе тутъ Толстого, для писателя конца XIX в. и начала XX в., можетъ быть, нѣсколько странное: для освѣщенія взятаго изъ религіозной области явленія мысль Толстого возвращается къ справедливо забытой давно теоріи обмана въ религіи (— энциклопедистовъ XVIII вѣка). Ложное христіанство создано и поддерживается сознательнымъ, намѣреннымъ обманомъ, участіе въ которомъ принимаютъ государство и церковь, вступившія въ заговоръ противъ христіанской истины по мотивамъ своекорыстнымъ. Вся догматика церковная—плодь этого обмана, постепенныхъ сдѣлокъ и компромиссовъ церкви съ государствомъ, начавшихся со временъ Константина Великаго... Въ такомъ объясненіи ложнаго христіанства измѣняютъ нашему художнику — писателю и его литературный тактъ, и свойственное ему проникновеніе въ глубины человѣческой души, и знаніе жизни и людей. Неужели, кромѣ сознательнаго обмана, нѣтъ другихъ, болѣе распространенныхъ и естественныхъ, источниковъ ложнаго христіанства, лежащихъ въ условіяхъ умственнаго и нравственнаго развитія людей, въ низкомъ духовномъ уровнѣ ихъ, въ слабости и нечистотѣ вѣры и т. п.? Развѣ, кромѣ лжи, обмана, нѣтъ еще того, что называется ошибками, заблужденіями? Почему видѣть въ „ложномъ“ христіанствѣ ложь, а не заблужденіе? Оставляю въ сторонѣ рѣчь о явной ненаучности толстовскаго приѣма (столь мало важной для него вещи), по обращу вниманіе на то, что такое объясненіе нынѣ составляетъ особенность лишь одного нашего писателя, немало вызывающую смѣха даже среди невѣрующихъ (западныхъ богослововъ) своею фантастичностью. Подъ какими вліяніями, при какихъ условіяхъ и какъ слагалась христіанская догматика въ церкви, объ этомъ говорятъ исторія церкви и исторія догматовъ. Никто изъ образованныхъ не будетъ сомнѣваться въ достаточной объективности и компетентности Гарнака въ рѣшеніи даннаго вопроса,—Гарнака, столь родственнаго Л. Толстому, также проповѣдующаго бездогматическое христіанство. Но ни въ „Исторіи догматовъ“, ни въ лекціяхъ о „Сущности христіанства“, какъ извѣстно, нѣтъ рѣчи объ обманѣ ¹⁾... *Наука* не знаетъ фантастическаго объясненія,

¹⁾ По мнѣнію проф. А. Гарнака превращеніе первоначальнаго (бездогматическаго, духовнаго) христіанства въ данное церковное соверши-

зачѣмъ-то придуманнаго Л. Толстымъ. Исторія церкви говоритъ не о компромиссахъ и обманѣ, а о другомъ пути догматическаго развитія христіанской церкви. Последнее шло часто путемъ борьбы съ императорскою властью, когда эта свое участіе къ церкви превращала въ незаконное вмѣшательство и выходила изъ границъ своей компетенціи. Догматическое развитіе церкви совершалось въ этомъ случаѣ въ героической борьбѣ со свѣтскою властью, вѣнчавшею истину мученическими вѣнцами. Кому неизвѣстна борьба церкви съ аріанствующими императорами, съ императорами—моновелитами, монофизитами и иконоборцами? Развѣ о компромиссахъ и обманѣ говорятъ имена главнѣйшихъ подвижниковъ за Христову истину, какъ Василій Великій, Іларій Пуатьесскій, Амвросій Медиоланскій, Теодоръ Студитъ, Іоаннъ Дамаскинъ, Максимъ Исповѣдникъ и мн. другіе?! И ученіе, выработывавшееся такимъ мученическимъ путемъ, есть истинное христіанское ученіе,—ученіе церкви, слагавшееся не въ потемкахъ тайны, а явно, на виду у всѣхъ.

лось дѣйствиємъ, главнымъ образомъ, трехъ причинъ: 1) вторженіемъ въ христіанство *греческаго духа*, 2) *борьбою христіанства съ гностицизмомъ* и 3) *возрожденіемъ христіанства не путемъ обращенія, а путемъ преемственной передачи и рожденія въ немъ* (Das Wesen des Christentums, pp. 123—130). Последнее обстоятельство, по его важности, ученый историкъ-богословъ ставитъ на первое мѣсто. Имъ обуславливается то, что „религія живого ощущенія и сердца становится религіею обычая и поэтому формы и закона... Изсякаетъ первоначальный энтузіазмъ и тотчасъ является религія закона и формъ“, форма заступаетъ мѣсто содержанія въ религіи, буква замѣняетъ духъ ея. Являются христіане, для которыхъ религія превращается въ сумму извѣстныхъ предписаній и обрядовъ, безъ которыхъ для нихъ не было-бы и религія, „а тѣ, которые еще дѣйствительно живутъ въ религіи“, въ цѣляхъ воздѣйствія на первыхъ, оставляютъ въ силѣ ихъ возвращеніе на религію. И эти христіане „не суть необходимо лицемеры (Jene sind keineswegs nothwendig Heuchler). Съ исчезновеніемъ важнѣйшаго элемента (чувства) собственно религія для нихъ, конечно, закрыта. Но и не живя въ религіи, можно все таки цѣнить ее съ различныхъ точекъ зрѣнія“ (напр. съ политической, моральной, эстетической). Есть нѣсколько формъ, подъ которыми религія признается и непринадлежащими внутренно къ ней. Во всѣхъ нихъ общее то, что религія перестаетъ быть предметомъ внутренняго опыта, не переживается душою, не за то высоко цѣнятся и тщательно удерживаются ея производныя явленія и дѣйствія.. (124—125). Таковъ голосъ по вопросу корифея церковно-исторической науки и „Моммсена богословія“, и это уже не голосъ „длинноволосыхъ невѣждъ“....

на глазахъ исторіи. Но бѣда въ томъ, что у Л. Н. Толстого не достаточно разграничивается то, что принадлежитъ подлинно церкви, отъ того, что ей не принадлежитъ; короче говоря, бѣда тутъ въ незнаніи ученія церкви и отсутствіи правильнаго понятія о Церкви: за ученіе церкви выдается часто совсѣмъ не церковное ученіе, [выдается за ученіе церкви, ея созданіе, даже само „ложное христіанство“]. Когда Толстой объявляетъ ученіемъ церкви никейскій символъ вѣры, мы его понимаемъ; но мы перестаемъ понимать его, что у него сходитъ за церковь, когда онъ въ счетъ церкви ставитъ всякія низкопробныя богословскія мнѣнія и разныя бредни христіански незрѣлыхъ умовъ, младенцевъ въ вѣрѣ и т. п. Вотъ примѣры.

Церковное („ложное“) христіанство „ничего не предписываетъ и ничего не запрещаетъ. Всѣ древніе законы, какъ Моисеевъ и Ману, даютъ правила, требующія или запрещающія извѣстныя дѣйствія. Это же дѣлаютъ также буддійская и магометанская религія. Но искаженная христіанская вѣра не даетъ никакихъ законовъ кромѣ внѣшняго признанія догматовъ, постовъ и молитвъ (при чемъ для богатыхъ людей и тутъ предусмотрѣны выходы), но она хвалитъ (?) и дозволяетъ все, даже то, что противно элементарнѣйшимъ требованіямъ морали... Эта вѣра позволяетъ рабство, и въ Европѣ и Америкѣ церковь была защитницею его“. Она позволяетъ скоплять имущество работою угнетенныхъ братьевъ. Она одобряетъ жертвы на церкви и благотворительныя учрежденія отъ неправедно пріобрѣтенныхъ богатствъ... Отнимать принадлежащее нуждающимся, заточать людей въ одиночное заключеніе, заковывать въ цѣпи, казнить — все благословляетъ церковь... Убіенство на войнѣ церковь не только хвалитъ и дозволяетъ, но и „требуетъ его“, приказываетъ убивать (*sondern befiehlt es...*), смотреть на него, какъ на нѣчто „не только полезное для людей, но и нѣчто доброе и Богу угодное“ (*Gott Wohlgefälliges*) ¹⁾.

По ученію христіанской догматики, паденіе первыхъ людей, увѣряетъ Толстой, состояло въ томъ, что Адамъ и Ева наѣлись запрещенныхъ яблокъ... По ученію церковному блаженство первыхъ людей состояло въ *праздности* и въ томъ, что

¹⁾ *Aufruf an die Menschheit*, 41—42, 65.

„Богъ ходилъ къ Адаму въ раю въ гости“.... Обо всемъ этомъ будто-бы учитъ христіанская догматика ¹⁾).

Главнѣйшее въ христіанствѣ ученіе о злѣ и искупленіи получаетъ въ изложеніи Л. Толстого видъ каррикатуры. Ученіе церкви здѣсь вотъ какое:

„...Адамъ за меня согрѣшилъ, т. е. впалъ въ заблужденіе (?), и потому всѣ люди безвозвратно пали, и всѣ наши старанія жить разумно напрасны и даже безбожны (gottlos). Я *неисправимо дуракъ* и долженъ знать, что я таковъ. И мое спасеніе заключается *не въ томъ, чтобы* своимъ разумомъ освѣщать свою жизнь и, познавши добро и зло, *дѣлать лучшее*—нѣтъ, Адамъ за меня одинъ разъ навсегда поступилъ дурно, а Христось одинъ разъ навсегда загладилъ это злое дѣло Адама, и потому я *только въ качествѣ зрителя* постоянно долженъ огорчаться при мысли о паденіи Адама и радоваться спасенію черезъ Христа. Всякая любовь къ доброму и истинному, живущая въ душѣ человѣческой, всякія его старанія освѣтить явленія жизни разумомъ, *вся его духовная жизнь—все это не только не важно, по этому ученію, но есть даже лукавство и гордость*“ ²⁾. Въ менѣе каррикатурномъ видѣ представляется ученіе о злѣ и искупленіи и выдается за ученіе церкви въ позднѣйшемъ сочиненіи. — Богъ 6000 лѣтъ тому назадъ сотворилъ Адама. Адамъ согрѣшилъ, и Богъ за него наказалъ всѣхъ людей, а потомъ послалъ Своего Единороднаго Сына на землю для распятія. Это распятіе и служить средствомъ освобожденія отъ наказанія за грѣхъ Адама. Если люди вѣрятъ этому (чему—да-гал?), то имъ прощается грѣхъ Адама, а если не вѣруютъ, то будутъ жестоко наказаны ³⁾.

Не требуется особенныхъ богословскихъ знаній для провѣрки большей части заявленій Л. Толстого, коими приписываются самой церкви ученія, представляющія или прямое отрицаніе, искаженіе ея ученія, или едва-ли гдѣ высказывавшіяся даже невѣрными ея ученію лицами. Все это замѣтятъ и простые читатели сочиненій Толстого; антицерковный же характеръ представленнаго имъ, подъ видомъ

¹⁾ *Бритика Догматическаго Богословія*. Geneve 1891, стр. 126.

²⁾ *Worin besteht mein Glaube?* См. стр. 131—132.

³⁾ *Aufruf an die Menschheit*, 57.

церковнаго, ученія о злѣ и искупленіи для знающихъ особенно наглядно говоритъ за то, что Л. Толстой плохо освѣдомленъ касательно ученія церкви... Очевидно, за церковное здѣсь выдается нераздѣляемое церковью, до XI в. въ ней неизвѣстное, чуждое Библии и отцамъ, такъ называемое *юридическое* воззрѣніе на искупленіе, появившееся въ схоластическомъ богословіи, оттуда перешедшее въ протестантское богословіе и въ учебно-богословскую русскую духовную литературу. Л. Толстой имѣлъ несчастіе знакомиться съ догматическимъ ученіемъ церкви вообще и объ искупленіи въ частности по руководству Макарія, гдѣ, какъ извѣстно, дается типичный образецъ *юридической* концепціи христіанства съ явно юридическимъ пониманіемъ искупленія. Юридическое освѣщеніе догмата искупленія неизвѣстно древней нераздѣленной церкви, не раздѣляется множественностью богослововъ и, несмотря на свою распространенность, есть въ богословіи явленіе отживающее, предназначенное самою своею природою къ исчезновенію ¹⁾.

Происхожденіе и широкое господство въ богословіи узкой юридической концепціи христіанства въ научной богословской литературѣ давно получило точное объясненіе, и въ этомъ объясненіи опять таки не оставляется никакого мѣста обману.

Юридическое или іудейское направленіе христіанской жизни и знанія есть та почва, на которой произрастаетъ юридическая концепція христіанства вообще и центрального въ немъ догмата искупленія въ частности. Это направленіе представляетъ собою въ христіанствѣ низшую, временную и

¹⁾ Недостатки общепринятаго схоластическаго ученія объ искупленіи. (Въ *Богосл. Вѣст.* 1894, № 1).—Важность правильнаго понятія объ искупленіи (Въ *Мисіон. Обзор.* 1898, № 9).—Православное ученіе объ искупленіи. Кіевъ 1894.—Мысли Гладстона объ искупленіи. Казань 1895.—Источники вражды противъ религіи Креста. Москва 1894.—Христосъ Распятый Божія сила и Божія премудрость. С.-Петербургъ 1899.—Опытъ апологетическаго изложенія православно-христіанскаго вѣрованія. Томъ II. Кіевъ 1898 (См. §§ 35, 36, 54—59, 69).—Курсъ Апологетическаго Богословія. Кіевъ 1900. (См. §§ 27—29, стр. 206—222; §§ 34—53, стр. 251—313).—Образованное общество и современное богословіе 1902, стр. 84—104 (ср. *Богосл. Вѣстн.* 1901, кн. 12).—Еще образчикъ ложной ревности о вѣрѣ (Отвѣтъ журналу *Вѣра и Церковь* на полемическую статью о „Курсѣ апологетическаго богословія“). Кіевъ 1902.

переходную стадію духовнаго развитія, на которой не останавливается истинный христіанинъ. Юридизмъ сполна опредѣляется принципомъ *справедливости*, внѣшней правды, христіанство движется внутреннимъ началомъ *любви*. Принципомъ знанія на низшей стадіи религіознаго развитія служитъ внѣшняя вѣра, *довѣріе*, христіанство же въ своемъ знаніи опредѣляется внутреннимъ началомъ вѣры, какъ живой *увѣренности*. Въ юридизмъ добро есть нѣчто внѣшнее человѣку и жизнь направляется не извнутри наружу, а снаружи внутрь: внѣшній законъ, долгъ и страхъ или расчетъ, послушаніе и авторитетъ—вотъ дальнѣйшія начала, опредѣляющія жизнь юридизма. Здѣсь внѣшнее предпочитается внутреннему, форма содержанію, слово—идеѣ, символика въ культѣ заслоняетъ чувство, внѣшнія добрыя дѣла замѣняютъ внутреннія нравственныя настроенія и т. д. Въ противоположность юридизму христіанство есть жизнь, движущаяся извнутри наружу, гдѣ все внѣшнее есть выраженіе внутренняго. Въ христіанствѣ внѣшній принципъ религіознаго знанія (довѣріе, послушаніе авторитету) превращается во внутренній принципъ живого и свободнаго разумѣнія, и внѣшній принципъ нравственной жизни (внѣшній законъ) во внутренній, какъ внутреннюю живую силу добра. Тамъ законъ, здѣсь истина, благодать и свобода ¹⁾. Вообще жизнь и знаніе на юридической стадіи развитія принимаютъ явный отпечатокъ *юдаизма*, сполна опредѣлявшася принципомъ внѣшней правды и воплотившася въ себѣ юридизмъ. На этой стадіи все получаетъ свою іудейскую окраску,—есть свое богословіе, свое благочестіе, своя мораль, своя вѣра, свой Богъ, напоминающій Іегову Вѣтхаго Завѣта. Изъ религіи внутренняго взаимнаго союза между Богомъ и человѣкомъ, основаннаго на любви, здѣсь, въ несовершенномъ христіанскомъ сознаніи, дѣлается полное подобіе іудейской религіи, какъ внѣшне-юридическаго союза или договора между Богомъ и человѣкомъ.

Изъ сказаннаго понятны и живучесть, и широкое распространеніе юридизма въ христіанской церкви, его постоянное

¹⁾ Къ понятію о юридизмѣ см. *Значеніе Креста въ дѣлѣ Христовомъ* стр. XV—XXVI, 356—359; *Источники ходячаго мнѣнія о вѣрѣ, какъ противоположности разума*. СПб. 1896, стр. 65—70.

стремленіе занимать господствующее положеніе въ церкви, до вытѣсненія изъ богословія и изъ церкви истиннаго христіанства, даже кажущійся внѣшній его успѣхъ, сводящійся, впрочемъ, къ численному, а не внутреннему преобладанію и превосходству. Нижняя ступенька христіанскаго совершенства выдается за верхнюю, начало пути за конецъ его— вотъ неизбѣжное явленіе въ христіанской жизни, порождаемое нашею косностью и несовершенствомъ, а не обманомъ духовенства, не церковью, которая только и дѣлаетъ, что всячески борется съ этимъ явленіемъ.

Здѣсь мы подошли къ опредѣленію общей, дѣйствительной причины зла,—извращенія чистаго христіанскаго сознанія. Оно заключается въ томъ, что въ церкви, кромѣ внутренней, мистической или Божественной стороны, есть еще сторона внѣшняя, человѣческая,—въ томъ, что церковь состоитъ изъ людей, и при томъ изъ всякихъ людей, не только не достигнувшихъ высшихъ ступеней духовнаго совершенства, но и прямо грѣшныхъ, каковыхъ большинство. Церковь есть „неводъ, закинутый въ море и захватившій рыбу всякаго рода“,—поле, на которомъ до времени вмѣстѣ съ пшеницею растутъ и плевелы (Мѡ. XIII, 47; 24—30); церковь есть древо не только съ вѣтвями зелеными и плодоносными, но съ безплодными и сухими (Іо. XV, 1—6); церковь есть „большой домъ“, въ которомъ „есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные; и одни въ почетномъ, а другіе въ низкомъ употребленіи“ (2 Тѡ. II, 20); церковь есть союзъ вѣрующихъ, объединенныхъ въ тѣло, возглавляемое Христомъ и одушевляемое духомъ Божіимъ, но, какъ тѣло, она имѣетъ и здоровые, и больные члены. Происходящее на поверхности церкви, на ея человѣческой, условной и измѣнчивой исторической сторонѣ Толстой всегда выдаетъ за происходящее въ самой церкви, за принадлежащее ей, подлинное выраженіе ея жизни и сущности, сыпы и нарывы на тѣлѣ выдаетъ за произведеніе организма съ его жизненною силою, а не чуждыхъ организму, отрицающихъ его, силъ и элементовъ. Ложное христіанство развивается и существуетъ въ церкви, если церковь неводъ, поле и т. д., но оно не отъ церкви,—подобно тому, какъ болѣзни, конечно, могутъ развиваться лишь въ организмѣ, но не бываютъ произведеніемъ жизнен-

ной его силы. При всѣхъ болѣзняхъ, при всѣхъ отклоненіяхъ отъ нормъ жизни въ тѣлѣ, самое тѣло всегда остается единственнымъ вмѣстилищемъ жизни и укрѣпленіе его единственнымъ способомъ подавленія смерти. Точно также всякія ненормальныя явленія, совершающіяся въ человѣческой оболочкѣ тѣла церкви, не препятствуютъ ей быть единой носительницей христіанской жизни и вмѣстилищемъ истины. Толстой для сохраненія христіанской истины рекомендуетъ уничтоженіе церкви, — не значитъ-ли это устранить болѣзнь уничтоженіемъ тѣла? Нечего сказать, радикальное лѣкарство!

Мысль свою о неотвѣтственности собственно церкви за ложное христіанство окончательно выяснено сравненіемъ церкви съ тѣломъ. Въ современной наукѣ (теорія *Мечникова*) одряхлѣніе и смерть организма объясняются возобладаніемъ низшихъ и худшихъ клѣтокъ организма (клѣтки соединительной ткани) надъ благородными и лучшими клѣтками, менѣе устойчивыми въ борьбѣ съ дурными вліяніями, и сверхъ того пожираніемъ слабыхъ клѣтокъ благородныхъ органовъ *макрофагами* (спеціальныя клѣтки), щадящими въ организмъ все худшее и свирѣпо устремляющимися на все лучшее. Смерть представляется явленіемъ фагоцитоза: она — слѣдствіе преобладанія въ организмѣ низшихъ клѣтокъ надъ высшими, кончающагося поглощеніемъ послѣднихъ первыми. Нѣчто подобное всегда происходитъ въ церкви. Худшіе, несовершенные и чуждые христіанству, элементы вступаютъ въ борьбу съ лучшими элементами, благородныя клѣтки съ неблагородными и съ бактеріями, не принадлежащими къ тѣлу... Какъ и въ тѣлѣ, по мѣстамъ и по временамъ, подъ вліяніемъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій, наблюдается въ церкви сильное разрастаніе соединительныхъ тканей въ ущербъ нужнымъ клѣткамъ, численное преобладаніе макрофаговъ надъ благородными клѣтками, съ угрожающимъ характеромъ полного ихъ поглощенія; посему въ тѣхъ или иныхъ частяхъ церкви по временамъ происходитъ большее или меньшее потемнѣніе христіанскаго сознанія и идеала. Но при чемъ тутъ будетъ церковь? Доведу сравненіе до конца, — и конца утѣшительнаго. Есть нѣкоторое существенное отличіе церкви отъ тѣла. Въ тѣлѣ борьба клѣтокъ всегда кончается побѣдою въ концѣ концовъ ма-

крофоговъ. Этого никогда не было и не можетъ быть въ церкви, которой не одолеваютъ не только макрофаги съ ихъ богословіемъ, но и врата адавы. Въ этомъ заключается источникъ великихъ нашихъ надеждъ, радости и полного спокойствія передъ страшными для другихъ опасностями. Смущеніе и страхъ навѣваетъ на Л. Толстого ложное христіанство,—и эти чувства въ немъ понятны. Но для кого церковь есть реальная величина въ мірѣ и исторіи, какова она и есть, для того нестрашны никакія заблужденія, хотя-бы самого Льва Николаевича Толстого, и даже, если можно, худшія. Что будетъ тогда? Уйдетъ жизнь въ глубь тѣла, но не исчезнетъ; поле съ пшеницею покроется плевелами, но сохранится доброе сѣмя, а совѣмъ этимъ—и жизнь. Благодать и жизнь духовная, принесенныя на землю Христомъ, такъ же неистребимы, какъ жизнь физическая въ родѣ человѣческомъ. Тутъ фактъ, а не сравненіе...

И такъ, Л. Толстой не далъ и не могъ дать намъ правильныхъ указаній того, въ чемъ зло и гдѣ его причины. Для этого надо было знать, гдѣ добро и въ чемъ оно, или, другими словами, въ чемъ состоитъ христіанская истина. Но одну великую истину постигъ и повѣдалъ міру Л. Толстой,—истину спасительности Евангелія, его безусловнаго жизненнаго значенія.

За эпохою необычнаго общественнаго оживленія и вѣры въ волшебную силу учрежденій въ 60—70 годахъ послѣдовала, въ видѣ реакціи, эпоха упадка духа, унынія и разочарованія въ старыхъ вѣрованіяхъ и кумирахъ. Смутно сознавалась причина неудачъ, но все таки начинала уже сознаться. Въ это-то время явился Л. Н. Толстой съ напоминаніемъ обществу о человѣческой личности и ея высшихъ духовныхъ правахъ и запросахъ, забытыхъ въ прежнихъ поискахъ общественнаго блага. Свое цѣлительное средство противъ общественнаго недуга Л. Толстой указалъ въ глубокомъ нравственномъ преобразованіи личности, онъ направилъ взоры русскаго образованнаго общества отъ поверхности жизни внутрь ея, на внутренній духовный міръ человѣка, обративъ его вниманіе на то, что зло можетъ происходить не отъ недостатка хорошихъ учрежденій, а отъ недостатка хорошихъ людей, нравственной правды въ жизни. Онъ пошелъ даже далѣе въ этомъ отношеніи и указалъ,

гдѣ намъ почерпнуть это духовное обновленіе. И онъ вышелъ съ проповѣдью Евангелія обществу, придавленному матеріализмомъ, позитивизмомъ, невѣріемъ, индифферентизмомъ и множествомъ самыхъ нечѣстныхъ предразсудковъ противъ религіи (изъ коихъ не всѣ исчезли доселѣ). Въ такихъ условіяхъ проповѣдь Евангелія становилась подвигомъ, но это былъ многоплодный подвигъ. Въ устахъ великаго писателя и *свѣтскаго* лица слово о религіи получило особенную силу,—такую, какой, по нашимъ условіямъ, лишено всякое слово присяжныхъ слугителей Христовой истины, хотя-бы оно само по себѣ было совершенно... Л. Н. Толстой сдѣлалъ много своимъ сильнымъ словомъ для пробужденія религіознаго интереса въ интеллигенціи. Вотъ свидѣтельство изъ среды ея. „Для многихъ путь отъ невѣрія къ православію, несомнѣнно, прошелъ черезъ философію Толстого. Есть примѣры общезвѣстные даже въ писательской средѣ. Тѣ-же, кто остался на этой промежуточной стадіи религіознаго развитія, все-таки приблизились къ истинѣ и подготовили путь для своихъ потомковъ, воспитывающихся въ семьяхъ, гдѣ вопросы религіи не являются предметомъ ненависти или равнодушія, а составляютъ насущную задачу жизни“. Къ Толстому присоединились „преимущественно люди, чуждые дотолѣ всякой вѣры“... Толстой заставилъ общество заинтересоваться его ученіемъ, но интересъ къ ученію Толстого можетъ имѣть значеніе перехода, при его неудовлетворительности, къ положительному изученію христіанскаго міросозерцанія ¹⁾... „Весьма многія изъ тѣхъ лицъ, которыя были въ толстовскихъ обществахъ, стали такими горячими послѣдователями христіанства, какихъ рѣдко встрѣтить въ настоящее время“... „Люди искренніе стали слушать Л. Толстого и понемногу заинтересовываться религіозными вопросами; и не проходитъ и нѣсколькихъ лѣтъ какъ они начинаютъ проникаться религіозными вопросами и дѣлаются христіанами. Мы знаемъ этихъ людей“... „Отрицавъ Божество Христа, Л. Толстой подводилъ однако-же нѣкоторыхъ къ церкви тѣмъ, что людей матеріалистическаго склада, неспособныхъ идти прямымъ путемъ, неспособныхъ (до времени)

¹⁾ В. Л. Величко. Владиміръ Соловьевъ. Жизнь и творенія. СПб. 1902. стр. 136, 134—135, 137.

воспринять христіанское ученіе во всемъ его необъятномъ величіи, направляя на вопросы высоко моральные, вопросы духа“¹⁾.

Не будемъ требовать съ Толстого больше, чѣмъ сколько дано ему было сдѣлать. Съ покорностью Провидѣнію, надо всѣмъ бодрствующему, примемъ тотъ фактъ, что мощнымъ перомъ своимъ великій писатель земли русской не послужилъ положительному выясненію и раскрытію христіанской истины, но не будемъ винить въ томъ его одного. Что нашель бы онъ въ тощихъ плодахъ богословско-схоластической учености для выполнения такого труда,—какіе образцы и матеріалы? Развѣ онъ не читаль Макарія, „большого Макарія“? Ужели намъ жать, гдѣ не сѣяли, и собирать, гдѣ не расточали?...

Нашему писателю оказалось тѣсно въ оградѣ нашей церкви,—будетъ ли справедливо и искренно винить въ этомъ его одного?

Какъ вѣрующіе, мы призваны исповѣдывать свою вѣру; поэтому мы обязаны твердо назвать черное чернымъ и ложное—ложнымъ въ ученіи Толстого, въ его словахъ и дѣлахъ. И все это сдѣлано за всѣхъ и для всѣхъ вѣрующихъ русскою церковною властью, Св. Синодомъ. Здѣсь кончается судъ нашъ: судъ надъ личностью и ея участь въ рукахъ единого Бога.

Подведемъ итогъ всей предшествующей рѣчи о трудѣ трехъ нашихъ великихъ писателей на пользу царства Божія.

Различаясь во многомъ между собою, Гоголь, Достоевскій и Толстой сходятся въ проповѣди личной морали, какъ пути общественнаго спасенія. Въ этой проповѣди, при всей односторонности въ формулировкѣ, есть доброе зерно евангельской истины, заключенной въ словахъ Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа: *Ищите прежде царствія Божія и правды Его, и это все приложится вамъ* (Мф. VI, 33). Личное совершенствованіе есть основа и источникъ всякаго, а также—общественнаго блага. Создайте добро прежде въ самихъ себѣ, если хотите, что бы оно было и внѣ васъ. Съ духовнымъ добромъ придетъ къ вамъ и все другое, нужное

¹⁾ *Новый Путь* 1903, № 2, стр. 98, 99, 100 („Записки религіозно-филологическихъ собраній“).

вамъ, хотя, добавить надо, не безъ труда вашего въ примѣненіи внутренняго добра къ внѣшнему строенію жизни. Но это дѣло болѣе легкое, чѣмъ созданіе самыхъ источниковъ добра,—царства Божія внутри насъ.

Въ этомъ заключается великая заслуга трехъ нашихъ писателей въ исторіи духовнаго развитія русскаго общества. Значеніе ихъ нагляднѣе уясняется намъ глубокою связью ихъ именъ съ знаменательнымъ религіозно - философскимъ или идеалистическимъ движеніемъ въ русскомъ образованномъ обществѣ, обозначившимся яснѣе къ настоящему моменту. Движеніе это, конечно, не ими создано, въ нихъ оно нашло себѣ лишь твердую опору; оно есть эхо совершающагося въ болѣе серьезныхъ размѣрахъ на западѣ возвращенія интеллигенціи отъ скудныхъ „рожковъ“ матеріализма и эмпиризма къ философіи и религіи; движеніе это есть распространеніе на интеллигенцію нашу, обнявшей нынѣ весь образованный міръ, „тоски по Богу, по христіанству“, *la nostalgie chretienne,—de Dieu*, по мѣткому выраженію П. Бурже (въ ром. „L'etare“). У насъ движеніе это имѣетъ болѣе характеръ невыясниваго броженія,—пока неизвѣстно даже, къ чему оно болѣе приурочивается—къ философіи, или къ религіи, и имѣетъ-ли оно опредѣленную цѣль. Вѣрно только когда-то сказанное ранѣе Гоголемъ: „какимъ-то невѣдомымъ чутьемъ свѣтскіе люди начинаютъ“ понимать, что гдѣ-то „есть какое-то сокровище, отъ котораго спасеніе,—которое среди насъ и котораго не видимъ“... Новое движеніе не выяснило еще пока само себѣ своихъ стремлений: оно направляется не яснымъ сознаниемъ цѣли и знаніемъ, а смутнымъ чутьемъ истины, болѣе—желаніемъ, чѣмъ твердымъ и вѣрнымъ знаніемъ правды. Ни формы дальнѣйшаго религіозно - философскаго движенія, ни исходъ его никому неизвѣстны: здѣсь мы въ области только гаданій и пожеланій.

Гаданія бесполезны, пожеланія необходимы; посему позволю себѣ высказать послѣднія нарождающемуся у насъ, чрезвычайно важному по возможнымъ послѣдствіямъ для нашей церковно-общественной жизни, религіозно-этическому движенію.

Хотѣлось-бы, что бы православная русская церковь была концемъ этого движенія.

Хотѣлось-бы, что бы движеніе не встрѣтило себѣ препятствій, какова бы ни была кривизна пути его...

Хотѣлось-бы, что бы не заграждали „окольные, проселочные пути, которыми отсталые и заблудшіе пробираются къ посильному спасенію“...

Хотѣлось - бы, что бы льна курящагося не угнали и трости надломленной не сокрушали (Мѡ. XII, 20)...

Хотѣлось-бы, что-бы этого движенія во всякомъ случаѣ не признавали опаснымъ, напротивъ — полезнымъ русской церкви...

Хотѣлось-бы... Но здѣсь, впрочемъ, лучше поставить, и пора поставить—точку.

VI.

Христіанство во свѣтѣ идеи царства Божія или о христіанскомъ міросозерцаніи въ его зависимости отъ понятій о царствѣ Божіемъ.

Односторонній человѣкъ не можетъ быть истиннымъ христіаниномъ: онъ можетъ быть только фанатикомъ. Односторонность въ мысляхъ показываетъ только то, что человѣкъ еще на дорогѣ къ христіанству, но не достигнулъ его, потому что христіанство даетъ уже многосторонность уму.

....Западная церковь сузила свой взглядъ на жизнь и міръ и не можетъ обхватить ихъ. Полный и всесторонній взглядъ на жизнь остался на ея восточной половинѣ, видимо сбереженной для позднѣйшаго и полнѣйшаго образованія человѣка. Въ ней просторъ не только душѣ и сердцу человѣка, но и разуму во всѣхъ его верховныхъ силахъ. Въ ней дорога и путь, какъ устремить все въ человѣкѣ въ одинъ согласный гимнъ Верховному Существо.

Н. В. Гоголь.

Постановка вопроса.—Господствующее въ богословіи понятіе о церкви, какъ царствѣ Божіемъ, въ его вліяніи на христіанское міросозерцаніе.—Важнѣйшее, общее слѣдствіе отождествленія церкви и царства Божія: отрицаніе міра или естественной жизни, исключеніе ихъ изъ области царства Божія.—Вопросъ о язычествѣ въ его отношеніи къ царству Божію: ученіе Библии, указанія исторіи; уясненіе мѣста язычества въ царствѣ Божіемъ сравненіями.—Признаніе этической основы или святости госу-

дарства христіанскою религією.—Противорѣчіе односторонне - аскетическаго понятія о царствѣ Божіемъ буквѣ Св. Писанія; противорѣчіе его также духу и сущности христіанства, какъ абсолютной полнотѣ жизни и истины.—Вредныя стороны этого понятія по воззрѣнію А. Ричля.—Ложный аскетизмъ, какъ причина и въ то же время какъ слѣдствіе разсматриваемаго понятія, отождествляющаго церковь и царство Божіе.—Пессимистическая окраска, сообщаемая христіанскому міросозерцанію этимъ понятіемъ.—Свѣтлый взглядъ христіанства на жизнь; временное и вѣчное въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ по христіанскому воззрѣнію: христіанство и культура.—Идея Боговоплощенія, какъ принципъ примиренія христіанства и культуры. Оцѣнка этого богословскаго принципа.—Заключеніе: необходимость органическаго усвоенія правильнаго всесторонняго понятія о царствѣ Божіемъ въ богословіи, какъ первое условіе его обновленія, и его внѣшнія условія.

Передъ нами прошли самыя разнообразныя понятія о царствѣ Божіемъ въ ихъ вліяніи на общее христіанское міросозерцаніе и рѣшеніе отдѣльныхъ, [капитальнѣйшихъ], вопросовъ христіанскаго знанія. Въ видѣ спеціальной иллюстраціи такого значенія понятія о Царствѣ Божіемъ, разсмотримъ здѣсь нарочито одно какое-либо съ этой стороны. Пусть будетъ это господствующее въ богословіи понятіе, съ которымъ, по мѣстамъ, мы уже имѣли дѣло въ теченіи предшествовавшей рѣчи. Это то понятіе, коимъ царство Божіе и Церковь отождествляются. Мы видѣли, что для такого понятія не существуетъ основаній ни въ Библии, ни въ ученіи св. отцевъ, ни въ исторіи научно-богословской литературы вопроса. Это понятіе, наконецъ, осуждается еще своими вредными послѣдствіями для общей концепціи христіанства или вліяніемъ на христіанское міросозерцаніе.

Первымъ выводомъ изъ разсматриваемаго понятія о царствѣ Божіемъ несомнѣнно будетъ слѣдующій: внѣ церкви нѣтъ Царства Божія, внѣ церкви, гдѣ господствуетъ Богъ, остается только царство сатаны, мрака, грѣха; внѣ церкви всякія человѣческія общества, основанныя на своихъ устояхъ, не входятъ въ составъ царства Божія, не имѣютъ нравственныхъ основъ, ничего общаго съ евангеліемъ, христіанствомъ. Для людей, принимающихъ такой взглядъ на царство Божіе, вся исторія должна представляться состоящею изъ дѣйствія двухъ равносильныхъ и противоположныхъ другъ другу принциповъ или двухъ царствъ: царства зла и царства добра.

Такое воззрѣніе противорѣчитъ ученію о царствѣ Божіемъ въ Писаніи Новаго Завѣта. Царство Божіе по своему объему, какъ видѣли въ гл. II, гораздо шире: оно простирается не на одно только духовное, вѣчное, но и на земное; оно относится къ отдѣльнымъ лицамъ такъ же, какъ къ народу, обществу, государству. Въ составъ царства Божія, по христіанскому воззрѣнію, входятъ не только вѣрующіе христіане, но и языческій міръ, поскольку онъ въ своей исторіи стремился и идетъ подъ руководствомъ Промысла Божія и при свѣтѣ естественнаго Откровенія къ осуществленію правды и познанію истины (Рмл. I, 19—20; II, 14—15). Царство Божіе тамъ, гдѣ исполняется воля Божія, гдѣ святится имя Божіе и отражается въ сердцахъ отблесками добра, истины и красоты. Но все это до нѣкоторой степени видимъ, согласно указаніямъ слова Божія, и въ язычествѣ: здѣсь люди „естествомъ законное творятъ“ (Рмл. II, 14—15; Дѣян. Ап. XI, 18 ср. Мѣ. VIII, 10—12; XXI, 31 и др.) и, поступая согласно съ волею Божіею, становятся благоугодны „нелицеприятному“ Богу (Дѣян. Ап. X, 34—35), Который есть Богъ не однихъ іудеевъ или вѣрныхъ только, но „конечно“ и язычниковъ (Рмл. III, 29—30), ибо въ то же время Онъ есть Царь и Господь всей земли, обо всѣхъ промышляющей, а равно—о язычникахъ (Д. Ап. XIV, 16—17; XVII, 24—28). Правда язычество стоитъ не въ центрѣ лучей Божественнаго свѣта и истины и далеко не покорено волѣ и правдѣ Бога, но оно не внѣ царства Божія, поскольку служитъ и покоряется Ему. Вѣрующіе, выражаясь наглядно, обрѣтаются въ самомъ центрѣ царства Божія, а язычество—на окраинахъ и периферіяхъ его, менѣе осіянныхъ свѣтомъ Божіимъ. Различіе, слѣд., въ степени участія въ царствѣ Божіемъ.

Точно также, не можетъ подлежать сомнѣнію и то, что гдѣ Богъ, тамъ и царство Его, ибо

Богъ весь Любовь, и Жизнь, и Сила,

Съ Нимъ благо все, съ Нимъ свѣтъ во тьмѣ... Спрашивается, гдѣ же нѣтъ Бога? Кто это поставилъ предѣлы свѣту Божію, во тьмѣ свѣтящему (Ев. Іо. I, 5), и могуществу, и благодати Его?..

Мѣсто язычества въ царствѣ Божіемъ можно уяснить сравненіями.

Царство Божіе, обнимающее собою все человѣчество, подобно

горѣ, освѣщенной восходящимъ солнцемъ. Вершина горы, занятая церковью, вся озарена свѣтомъ лучей его. Далѣе, къ низу, свѣтъ рѣдѣетъ, тьма сгущается. Внизу, у подошвы горы, все окутано мракомъ...

Правильное и всестороннее понятіе о царствѣ Божіемъ, гдѣ царство Божіе, какъ искомое благо, полагается не только внѣ насъ, но прежде всего внутри насъ, дозволяетъ сдѣлать еще сравненіе. Такимъ понятіемъ допускаются различія въ степеняхъ духовнаго совершенства или участія въ царствѣ Божіемъ. Но жизнь духовная не менѣе, конечно, разнообразна, чѣмъ жизнь физическая. Между зоофитами и высшими млекопитающими, конечно, лежитъ громадное разстояніе, но все же и тѣ и другія внутри одного и того же царства жизни съ ея безконечнымъ разнообразіемъ, и зоофиты въ свою очередь бездною живою отдѣлены отъ царства мертваго. Въ безконечной скалѣ жизни духовной между нулемъ и ея предѣльною точкою всякому найдетъ *Богъ живыхъ* его мѣсто, и всему у Него, единаго праведнаго и всевѣдущаго, найдется вѣрная оцѣнка ¹⁾).

И такъ, язычники включаются въ составъ царства Божія, и ищущіе царства Божія иногда даже предваряютъ въ немъ самихъ „сыновъ царствія“...

Таково рѣшеніе вопроса на основаніи слова Божія; но что говоритъ намъ дѣйствительность? Она говоритъ намъ, что язычники со своей стороны, въ мѣру силъ своихъ, служили и работали для царства Божія. Греція, напр., завѣщала послѣдующему времени образованность, философію, которая дала готовые рамки для христіанскаго просвѣщенія, самый же языкъ греческій послужилъ гибкимъ орудіемъ для вы-

---

¹⁾ Правильному рѣшенію даннаго вопроса не мало мѣшаетъ обычная человѣческая мѣрка въ оцѣнкѣ людей. Стремленіе къ совершенству или къ истинѣ всегда безусловно цѣнится ниже обладанія совершенствомъ или обладанія истиною. Но исканіе истины и правды, свойственное всѣмъ,—язычникамъ и невѣрнымъ, не хуже обладанія истиною въ извѣстныхъ условіяхъ: исканіе лучше воображаемаго и бесплоднаго обладанія. Исканіе истины, любовь къ ней не только не исключаются, но требуются отъ насъ Евангеліемъ, одобряются словомъ Божіимъ (ср. Пс. IX, 11; Притч. VIII, 17; Ис. LV, 6; Пс. CXVIII, 2; XIII, 2; 2 Пар. XV, 2; Д. Ап. XVII, 26—27). Вѣра—успокоеніе въ обрѣтенной истинѣ, язычество же характеризуется исканіемъ истины.

раженія высокихъ христіанскихъ идей. Римляне, стремившіеся только къ разширенію своей территоріи, невольно служили Царству Божію: политическимъ объединеніемъ міра подъ своею властью они проложили пути къ быстрому, безпрепятственному распространенію Евангелія по всему міру и нравственному объединенію людей. Нельзя отрицать и того, что римляне завѣщали послѣдующему времени основу земной гражданственности, справедливости или такъ называемаго государственнаго права, лежащаго въ основѣ европейскаго права. Такимъ образомъ язычники не были внѣ Царства Божія: насколько могли, они ощущую, такъ сказать, шли къ Богу; исканіе Бога, правды было высшей цѣлью до-христіанской эпохи. Всѣ подобныя мысли заключаются въ рѣчи Апостола Павла передъ собраніемъ аѳинянь въ ареопагѣ, этомъ культурномъ центрѣ древняго міра (Д. Ап. XVII, 22—31). Въ этой рѣчи Ап. Павелъ признаетъ прежде всего за аѳинянами большую религіозность, которая видна изъ того, что улицы этого города усѣяны множествомъ храмовъ; заявляетъ, что и они чтутъ того же самага Бога, какого проповѣдуетъ онъ, но только для нихъ этотъ Богъ является невѣдомымъ; и далѣе: „Отъ одной крови Онъ произвелъ весь родъ человѣческой, для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленныя времена и предѣлы ихъ обитанія, дабы они искали Бога, не ощутятъ ли Его и не найдутъ ли; хотя Онъ и недалеко отъ каждаго изъ насъ: ибо мы Имъ живемъ, и движемся, и существуемъ, какъ и нѣкоторые изъ вашихъ стихотворцевъ говорили: мы Его и родъ“ (Д. Ап. XVII, 26—28). Очевидно, что по смыслу этихъ словъ и язычество включается въ составъ царства Божія; язычество не есть царство сатаны, оно живетъ въ томъ же царствѣ Бога, Который дѣйствуетъ всюду, безъ Котораго никто не могъ-бы существовать: *Имъ живемъ, и движемся, и существуемъ*. Та же мысль лежитъ и въ основаніи первой главы Евангелія отъ Іоанна, въ которомъ излагается возвышенное ученіе Іоанна о *Λογοςѣ*, т. е. Слово Божіемъ, и о дѣйствіи Его въ мірѣ. Онъ былъ Свѣтъ для всего міра: въ то время даже, когда міръ былъ объятъ языческой тьмой, Онъ свѣтилъ во тьмѣ языческой исторіи. Если существовала какая-нибудь жизнь въ древне-языческомъ мірѣ, какое-нибудь знаніе истины, то все это было обязано своимъ

существованіемъ *Λογος*у, т. е. Слову. „Въ міръ былъ, и міръ чрезъ Него началъ быть, и міръ Его не позналъ“ (Іо. I, 10).

Очевидно, что всѣмъ этимъ и ученіемъ о Логосѣ въ частности устанавливается совершенно иной взглядъ на язычество и естественную жизнь, „жизнь міра сего“ вообще, чѣмъ какой мы разсматриваемъ. Нельзя относиться къ естественной жизни человѣчества, какъ къ чему-то противоположному святости, находящемуся внѣ Божія освященія, внѣ царства Его. Слово Божіе въ основаніе земного человѣческаго общества или государства полагаетъ нравственное начало справедливости и не видитъ никакого противорѣчія между церковью и государствомъ, поскольку государство, основанное на правдѣ, является служеніемъ этой правдѣ въ своихъ предѣлахъ. Всякому извѣстны классическія мѣста посланій Ап. Павла къ Тимоѳею, Римлянамъ, Колоссянамъ, гдѣ трактуется о происхожденіи, сущности и значеніи земной власти. Она имѣетъ Божественное происхожденіе и государство черезъ то получаетъ религиозную санкцію; поэтому христіане приглашаются къ повиновенію власти, даже языческой,—римской (Римл. XIII, 4—6). Основаніе для признанія нравственнаго значенія государства слѣдующее: „Начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся: ибо онъ не напрасно носитъ мечъ; онъ—Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое“ (Римл. XIII, 4). Ясное дѣло, что по этому ученію государство является органомъ Божественной власти на землѣ, поскольку эта власть основывается на правдѣ.

Итакъ ясно, что человѣческія общества или государства могутъ входить въ составъ царства Божія на землѣ. Да и странно было-бы утверждать, что есть какой-нибудь уголокъ вселенной, который былъ-бы не подвластенъ Богу. Ап. Павелъ говоритъ, что царству Христа должно быть покорено все, чтобы во всемъ былъ Богъ, „потому что все покорилъ подъ ноги Его. Когда же сказано, что Ему все покорено: то ясно, что кромѣ Того, который покорилъ Ему все. Когда же все покорить Ему; тогда и самъ Сынъ покорится Покорившему все Ему, да будетъ Богъ все во всемъ“ (1 Кор. XV, 27—28). Этими словами ясно исключается тотъ узкій смыслъ, который дается царству Божію въ разсматриваемомъ воззрѣніи.

Впрочемъ, все это можетъ быть ясно и прямо показано и безъ ссылокъ на Свящ. Писаніе. Воззрѣніе, отождествляющее церковь съ царствомъ Божіимъ, вноситъ противоположенный дуализмъ въ исторію, противный сущности и духу христіанской религіи. Такой дуализмъ приличенъ былъ-бы для персидской, напр., религіи, признающей двухъ боговъ— Ормузда и Аримана (бога добра и бога зла); но по христіанскому ученію Богъ остается не только Творцемъ міра, но и Всемогущимъ Единымъ Владыкой, Промыслителемъ вселенной, Которому подчинены сатана и его слуги. По ученію христіанскому и діаволь съ подвластными ему духами могутъ дѣйствовать только по допущенію Божеской власти. Христіанство учитъ, что Богъ ограничилъ дѣйствія діавола особенно явленіемъ Сына Божія на землю, искупленіемъ людей отъ грѣха. Передъ Своими страданіями Искушитель сказалъ, прозрѣвая въ будущее и не отдѣляя его отъ настоящаго, какъ слѣдствіе отъ причины: „нынѣ судъ міру сему, нынѣ князь міра сего (діаволь) изгнанъ будетъ вонъ“ (Іо. XII, 31). Искупленіемъ діаволь изгнанъ изъ міра, здѣсь вездѣ царство Божіе, діаволу нѣтъ здѣсь мѣста (Евр. II, 14). Діаволь можетъ быть названъ княземъ міра сего лишь постольку, поскольку этотъ міръ, населенный грѣшниками, остается еще средою, гдѣ дѣйствуетъ пока діаволь, но власти его подчинены только погибшіе души и люди, окончательно подпавшіе власти грѣха.

Такимъ образомъ разсматриваемое воззрѣніе на царство Божіе противно сущности религіи христіанской, нетерпящей никакого дуализма, понятію о Промыслѣ, о злыхъ духахъ, противорѣчитъ и общему христіанскому взгляду на жизнь, на исторію. Между тѣмъ въ исторіи богословія можно указать весьма яркій примѣръ разсматриваемаго взгляда на царство Божіе въ соч. Бл. Августина *De civitate Dei* („О градѣ Божіемъ“), въ сочиненіи философско-историческомъ, оказавшемъ громадное вліяніе на западное христіанское богословіе. Въ этомъ сочиненіи Бл. Августинъ какъ разъ проводитъ разсматриваемый взглядъ на царство Божіе, въ которомъ царство Божіе и церковь отождествляются. Нѣмецкій богословъ Ричль, разсматривая вредныя стороны такого смѣшенія понятій, какое мы наблюдаемъ у Бл. Августина, говоритъ, что въ исторіи развитія папской идеи на западѣ

сочиненіе Бл. Августина, сѣиграло, между прочимъ, нѣкую роль: оно отчасти повліяло, между другими условіями, на развитіе папской идеи. Если на землѣ существуетъ царство сатаны, то отсюда, какъ прямое слѣдствіе, выходитъ, что человѣческія общества въ собственныхъ интересахъ должны опереться на помощь церкви и ввѣриться во всемя ея руководству, такъ какъ внѣ ея все лежитъ во злѣ, во власти сатаны. А это въ послѣдовательномъ развитіи ведетъ къ идеѣ о свѣтской власти папы, ея необходимости... Насколько правъ здѣсь Ричль, трудно судить ¹⁾. Ричль указываетъ, хотя и не такъ ясно, еще на другую вредную сторону односторонняго понятія о царствѣ Божіемъ въ смыслѣ только эсхатологическомъ или смѣшенія царства Божія съ церковью. Оно можетъ служить естественною почвою къ развитію въ христіанскомъ обществѣ *ложнаго аскетизма* или *ложнаго спиритуализма*, ничего не имѣющихъ общаго съ истиннымъ христіанскимъ аскетизмомъ и спиритуализмомъ. Истинный аскетизмъ исходитъ изъ одного только стремленія къ побѣдѣ надъ грѣхомъ, борьбою съ эгоизмомъ и чувственностью, съ плотью, насколько она служитъ сѣдалищемъ грѣха. Онъ не есть бѣгство изъ міра или удаленіе отъ него, какъ какой либо скверны самой въ себѣ, но только удаленіе отъ грѣха путемъ ограниченія своего я, самоотреченія. По возрѣнію Василія Великаго, основателя и организатора монашеской жизни въ христіанской церкви, аскетизмъ возможенъ и въ мірѣ, и даже—въ брачномъ состояніи и, въ смыслѣ самоотреченія отъ эгоистическаго я, воздержанія, онъ требуется отъ всѣхъ христіанъ; личное совершенство для всѣхъ обязательно. Обязанности къ ближнему не только не исключаются въ состояніи аскетизма или стремленія къ личному совершенствованію, но требуются и предполагаются ими: чѣмъ совершеннѣе личность, тѣмъ чище и лучше, выше и совершеннѣе ея любовь къ ближнимъ, и кто побѣдилъ въ себѣ чувственность, тотъ разорилъ гнѣздо, въ которомъ часто ютится человѣкъ-звѣрь. Исторія христіанскаго аскетизма въ высокихъ подлинныхъ образцахъ его не благопріятствуетъ смѣшенію аскетизма съ эгоизмомъ и противополо-

¹⁾ См. Herzog's *Real-Encyclopädie*. Leipzig 1883, B. XII, p. p. 599 — 606, Artc. A. *Ritschl's* Reich Gottes.

ставленію его альтрїюизму: это дѣлается только потому, что часто смѣшиваютъ христіанскій аскетизмъ съ буддійскимъ псевдо-аскетизмомъ ¹⁾. Весьма важно однако принять во вниманіе, что правильное воззрѣніе на христіанскій аскетизмъ невозможно на почвѣ того міросозерцанія, въ которомъ царство Божіе мыслится лишь эсхатологически и смѣшивается съ церковью. Если внѣ церкви нѣтъ царства Божія и міръ есть арена грѣха и зла, то надо по этому самому бѣжать отъ міра, какъ отъ заразы. Вотъ естественный выводъ изъ неправильнаго понятія о царствѣ Божіемъ! И въ какой цвѣтъ окрашивается все христіанское міросозерцаніе одно только это ошибочное понятіе о царствѣ Божіемъ! Оно сообщаетъ ему печать ригоризма и пессимизма, совершенно противныхъ христіанству, его существу и духу.

Оставимъ мрачный взглядъ на жизнь и исторію Востоку и его поклонникамъ: ученіемъ о царствѣ Божіемъ христіанство открываетъ путь болѣе свѣтлому и отрадному взгляду на міръ и исторію человѣчества. Началомъ дѣятельной любви къ ближнему христіанство исключаетъ самую мысль о какомъ-либо самодовольномъ и замкнутомъ въ себѣ существованіи съ презрѣніемъ и равнодушіемъ къ міру скорби и слезъ безъ дѣятельнаго стремленія къ облегченію горя людскаго, къ борьбѣ со зломъ... Ничему узкому, одностороннему и въ сферѣ мысли, и въ сферѣ жизни и чувства нѣтъ мѣста въ христіанствѣ, этомъ удивительномъ созданіи Божественной Мудрости, необычайной гармоніи и совершенномъ сочетаніи кажущихся противорѣчій и противоположностей, не соединяемыхъ нигдѣ еще,—ни въ философіи, ни въ естественномъ чувствѣ. Это система, гдѣ сочетаются въ стройное цѣлое небесное и земное, вѣчное и временное, общее и личное, тѣлесное и духовное, видимое и невидимое, разумъ и чувство, милость и правда, идеаль и дѣйствительность, страданіе и блаженство, смиреніе и величіе, жизнь и смерть: гдѣ, словомъ, соединено Божественное и человѣческое въ Богочеловѣческое въ Лицѣ Богочеловѣка. Гармоническое сочетаніе въ душѣ дѣятельной любви къ міру скорби и слезъ, грѣха и страданій, къ міру человѣческому, съ чи-

¹⁾ См. *Странникъ* 1895 кн. XI, ст. „Что такое аскетизмъ по ученію Св. Василія Великаго? (Въ отвѣтъ на современныя сужденія и толки)“.

стымъ сердцемъ, съ любовью къ Богу, — вотъ идеаль христіанина. Ничто такъ не противорѣчитъ этому идеалу, какъ всякій дуализмъ въ душѣ, раздвоеніе или раздѣленіе ея между Богомъ и человѣкомъ, небомъ и землею, вѣчнымъ и временнымъ, видимымъ и невидимымъ. Въ обновленномъ благодатію сердцѣ христіанина совмѣщаются такія противоположности, какія кажутся несоединимыми другимъ. Кто смотритъ на небо, тотъ не видитъ земли, и кто смотритъ на землю, тотъ не видитъ неба. И небо, и земля равно созданы Господомъ, и не исключаютъ другъ—друга. И въ сердцѣ, и въ умѣ христіанина то и другое должно найти себѣ соотвѣтственное мѣсто. Между крайними полюсами, бытія,—между вѣчностью и временнымъ, невидимымъ и видимымъ, небеснымъ и земнымъ нѣтъ у насъ взаимно - исключающей противоположности, но есть отношеніе высшаго и низшаго, цѣли и средства, болѣе важнаго и менѣе важнаго, абсолютно-цѣннаго и относительно цѣннаго. Тутъ не противоположность, а соподчиненіе, координація. Небо—цѣль, земля — средство къ нему; то—пристань и успокоеніе, эта — путь и приготовленіе; то—высшая форма царства Божія, высшая стадія въ развитіи царства Божія, эта—низшая, переходная стадія въ исторіи царства Божія какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для всего человѣчества. Только такую координаціею обуславливается возможность царства Божія на землѣ: гдѣ цѣль переставляется на мѣсто средства, гдѣ земное и временное заслоняетъ небесное и вѣчное, человѣческое—Божественное, конечное — безконечное, тамъ открывається мѣсто царству грѣха и язычеству... Христіанство широко и глубоко, какъ сама жизнь, истина; оно требуетъ такой же широты и цѣльности духа и отъ своихъ послѣдователей. Кто захотѣлъ бы созидать свою духовную жизнь, жизнь мысли и чувства, на мертвой буквѣ, а не на духѣ христіанства, тотъ, пожалуй, сталь-бы приводить изъ Св. Писанія „мѣста“ и въ пользу псевдо-аскетизма. Онъ укажетъ на 1 Іо. II, 15 — 16, V, 19, гдѣ апостоль заповѣдуетъ намъ „не любить міра, ни того, что въ мірѣ... Ибо все, что въ мірѣ, похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская... Ибо весь міръ во злѣ лежитъ“¹⁾; приведетъ намъ въ примѣръ ап. Павла, который

¹⁾ Предлагаютъ перевести *ὁ κόσμος ὅλος ἐν τῷ πονηρῷ κεῖται* (V. 19) — „весь міръ находится во власти лукаваго“ (духа), т. е. діавола (См. 16

все въ мірѣ считалъ за соръ и за щетъ въ сравненіи съ познаніемъ Христа (Флп. III, 7—8 ср. I, 19—24; 2 Кор. V, 1—9) и, живя въ мірѣ, томился желаніемъ выйти изъ него, какъ изъ темницы, или какъ изъ временнаго жилища, въ истинное наше небесное отечество и соединиться со Христомъ, ибо „мы не имѣемъ здѣсь постояннаго града, но ищемъ будущаго“ (Евр. XIII, 14) и „наше жителство на небесахъ“ (Флп. III, 20—21). Однимъ словомъ онъ въ правѣ, опираясь на эти и другія мѣста изъ слова Божія, присоединиться къ тому мрачному воззрѣнію на временную жизнь, яркое и высокохудожественное выраженіе которому найдено въ безсмертной стихирѣ св. Іоанна Дамаскина изъ чина погребенія, переданной также художественно нашимъ поэтомъ гр. А. Толстымъ:

Все пепель, призракъ, тѣнь и дымъ,
Исчезнетъ все, какъ вихоръ пыльный,
И передъ смертью мы стоимъ
И безоружны, и безсильны...

.....
Вся жизнь есть царство суеты,
И дуновение смерти чужа
Мы увядаемъ, какъ цвѣты—
Почто же мы мятемся всеу?

Все пепель, дымъ и пыль, и прахъ,
Все призракъ, тѣнь и привидѣнье—
Лишь у Тебя, на небесахъ,
Господь, и пристань, и спасенье!..

(Поэма „Іоаннъ Дамаскинъ“).

Да, все тлѣнное пепель, прахъ и соръ—это вѣрно; вѣрно, что истинную цѣнность имѣетъ лишь вѣчное и духовное,—то, что идетъ съ нами въ загробную жизнь; что земное не есть цѣль, а лишь средство царства Божія; что оно есть переходная ступень къ высшей стадіи въ царствѣ Божіемъ,

Ирав. Собес. 1895, ст. проф. Некрасова). Міръ находится во власти діавола достольку, поскольку онъ еще служитъ средою грѣха, въ своей противоположности Богу, но и эта власть, какъ видѣли, ограничена искупленіемъ. Кромѣ того, для правильной оцѣнки подобныхъ мѣстъ слѣдуетъ всегда имѣть въ виду двойное употребленіе слова „міръ“ въ Св. Писаніи, о чемъ упоминалось уже въ своемъ мѣстѣ (гл. II, стр. 53).

и что эта послѣдняя должна быть цѣлью нашихъ стремлений, нашихъ трудовъ и жизни. Но вѣрно и то, что этимъ не отрицается значеніе и временной, земной стадіи или формы въ существованіи царства Божія. Напротивъ, изъ сказаннаго ясно, что между временнымъ и вѣчнымъ, настоящимъ и будущимъ, земнымъ и небеснымъ, однимъ словомъ настоящею низшею формою и будущею высшею въ исторіи царства Божія устанавливается тѣсная органическая или причинная связь наподобіе той, какая существуетъ между зерномъ и растеніемъ, изъ него выходящимъ, такъ что какъ нѣтъ растенія безъ сѣмени, истлѣвающаго въ землѣ, чтобы возродиться къ жизни, такъ нѣтъ и будущей жизни, высшей просвѣтленной формы бытія для лицъ и всего человѣчества безъ подготовленія ихъ къ этому въ настоящей низшей формы бытія (Іо. XII, 24—25; 1 Кор. XV, 35—36 и др.). Вѣрно въ этомъ смыслѣ, что земное пепель, прахъ и навозъ, но въ этомъ пеплѣ и навозѣ зарождается и зрѣетъ сѣмя духовной жизни въ человѣкѣ и всходитъ пыльнымъ растеніемъ въ новой, иной формѣ бытія, подъ лучами новаго неземнаго тепла и свѣта ¹⁾... Платонъ, Пинегоръ, Будда и другіе выразители идеальныхъ сторонъ человѣческой природы своимъ воззрѣніемъ на преходящее значеніе земной

---

¹⁾ „Останавливаться на противоположности между міромъ и Божествомъ, между землею и небомъ противно здравому религиозному чувству. Пусть мы даже искренно готовы смотрѣть на весь міръ, какъ на негодную пыль: но вѣдь эта пыль *остается*. На комъ? Если скажемъ, что на божествѣ, это будетъ явно нечестиво, если же признаемъ мірскую пыль только призракомъ нашего воображенія, то наше собственное я, подлежащее томительному кошмару явленій, окажется негодною пылинкою, откуда-то попавшею въ око вѣчности и безнадежно смущающею его чистоту,—и этотъ второй взглядъ будетъ еще нечестивѣе перваго. Поскольку все въ концѣ концовъ сносится къ Богу, чѣмъ презрительнѣе относимся мы къ мірскому бытію, тѣмъ недостойнѣе наши понятія о существѣ абсолютномъ, и когда мы объявляемъ, что міръ есть чистое ничто, то впадаемъ въ крайнее богохульство, такъ какъ всѣ дурныя стороны бытія, которыя словеснымъ отрицаніемъ не упраздняются, мы должны тогда приписывать прямо и непосредственно самому Богу. Этой діалектики нельзя избѣгнуть, пока признается только два противоположныхъ термина. Но есть третій, посредствующій, существуетъ историческая среда, въ которой негодный прахъ земли чрезъ искусную систему удобренія перерождается въ благотворную почву будущаго Царствія Божія“ (Владиміръ Соловьевъ, *Оправданіе Добра*, стр. 584).

жизни, какъ времени очищенія, приготовленія къ высшей формѣ бытія, предвосхитили чисто-христіанскую идею, здѣсь раскрываемую, хотя, конечно, въ искаженномъ видѣ (міръ—не темница, въ которую посылалъ наши души Богъ для очищенія; только самъ человѣкъ превращаетъ міръ въ темницу, но Богъ изъ темницы дѣлаетъ для насъ больницю).. Платонъ называлъ тѣло—темницей души, землю—темницей человѣчества; но это не мѣшало ему написать *Республику*.

Въ христіанскомъ воззрѣніи на жизнь и исторію нѣтъ никакихъ элементовъ, враждебныхъ тому, что называется культурой, цивилизаціей, общественной жизнью,—изъ чего слагается исторія. Христіанство существуетъ на землѣ и усваивается въ условіяхъ и во всей данной обстановкѣ нашего земного существованія. Но по самой своей природѣ человѣкъ предназначенъ къ осуществленію идеала совершенства, къ развитію всѣхъ своихъ человѣческихъ свойствъ лишь въ обществѣ, гдѣ онъ не случайно занимаетъ свое мѣсто. Внѣ общества человѣкъ невозможенъ, какъ человѣкъ. Онъ невозможенъ внѣ общества и какъ христіанинъ. Христіанство идетъ не къ подавленію и отрицанію свойственнаго человѣческой природѣ, напр., общенію, взаимной любви и т. п., но къ облагороженію, усиленію и усовершенствованію въ человѣкѣ всего истинно человѣческаго. Болѣе того, самый идеалъ христіанскаго совершенства можетъ осуществляться лишь въ общественномъ состояніи человѣка, въ обществѣ, въ союзѣ съ собою подобными, ибо ученіемъ христіанскимъ вся сущность нравственнаго совершенства заключается въ любви къ ближнему и въ любви къ Богу черезъ любовь къ ближнему (1-е соб. посл. Іоанна). Но любви къ ближнему нельзя имѣть, не научившись ненавидѣть, гдѣ надо, себя; а этому учить и къ этому стремится истинный аскетизмъ, истинное монашество. Люди міра въ истинномъ монашествѣ, отдѣляющемся отъ міра стѣнами, всегда видѣли и видятъ высшихъ въ духовной жизни братьевъ, соединенныхъ съ міромъ сердцами. Молитвою, утѣшеніемъ, назиданіемъ, милостынею, просвѣщеніемъ и т. д. иночество можетъ нести великую службу міру, не живя въ мірѣ, и перестаетъ быть выраженіемъ истиннаго христіанскаго аскетизма, когда забываетъ объ этой обязательной службѣ обществу, его питающему тѣлесно...

Все, выше сказанное, позволяет нам видѣть въ одной сторонней аскетической концепціи христіанства, отождествляющей христіанскую религію съ аскетизмомъ, слѣдствіе недостаточно - полного усвоенія христіанства какъ съ его нравственной, такъ съ догматической стороны, не говоря уже о неправильномъ пониманіи царства Божія. Въ послѣднемъ отношеніи псевдо-аскетическое пониманіе христіанства, какъ видѣли, стоитъ въ противорѣчьи съ ученіями о Богѣ, творцѣ всего міра, о всеобщности Промысла, о вездѣсущи Божіемъ, съ ученіемъ о злыхъ духахъ, ограниченности ихъ власти въ мірѣ, объ универсальности искупленія и проч.: но здѣсь еще должно указать въ особенности на ученіе о Боговоплощеніи или *ипостасномъ единеніи* двухъ естествъ во Христѣ, оставшемся безъ всякаго вліянія въ данномъ случаѣ на богословскую мысль въ построеніи общаго возрѣнія на жизнь.

Повидимому, догматъ о воплощеніи принадлежитъ всецѣло къ области, ничего общаго съ жизнью не имѣющей и слишкомъ отъ нея далекой,—къ области высшихъ религіозныхъ созерцаній и богословскаго умозрѣнія. Однако и на этомъ догматѣ мы еще разъ наглядно убѣждаемся въ неосновательности общераспространеннаго предубѣжденія противъ христіанскихъ догматовъ, какъ теоретическихъ построеній богословско-метафизическаго мышленія, лишенныхъ жизненнаго, нравственнаго смысла и значенія. Отъ этого догмата, при всей кажущейся его отвлеченности, зависитъ не только нашъ общій взглядъ на міръ, но и наше поведеніе, собственная наша жизнь и дѣятельность, въ которыхъ выражаются наши отношенія къ міру. Этимъ догматомъ, говоря кратко, обусловливается отношеніе христіанства къ міру, и дается ключъ къ правильному рѣшенію вопроса о христіанствѣ и культурѣ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Сдѣлавшись человекомъ и явившись среди падшихъ людей, Сынъ Божій принялъ участіе во всемъ человѣческомъ, прошелъ черезъ все состоянія и возрасты человѣческой жизни, черезъ *все* *человѣческое*, кромѣ грѣха, что бы все *освятить, обожить, возвратить* къ Богу въ Себѣ Самомъ, тѣснымъ соединеніемъ съ человѣчествомъ, принятіемъ *человѣческаго* естества, съ душою и съ тѣломъ, въ тѣснѣйшее,

личное общеніе съ Божествомъ (св. *Ириней Лионскій*, св. *Анастасій Великій*). Богъ, въ лицѣ Сына Единороднаго, становится человѣкомъ, Носителемъ всего человѣчества и всего человѣческаго, которое въ Немъ теряетъ свое несовершенство, освящается и очищается и возвышается до Божественнаго... „Богъ вочеловѣчился и человѣкъ обожился“ (св. *Григорій Богословъ*). Сынъ Божій „пріемлетъ на Себя чужое подобіе, представляя въ Себѣ всего меня и все мое, чтобы истощить въ Себѣ все мое, худшее, — подобно тому, какъ огонь истребляетъ воскъ, или солнце — земной паръ, и что бы мнѣ, чрезъ соединеніе съ Нимъ, пріобщиться свойственнаго Ему“ (Григорій Богословъ). Вообще Христосъ, соединившись съ человѣкомъ „освятить Собою человѣка, содѣлавшись какъ-бы закваскою для цѣлаго смѣшенія, всего человека освободилъ отъ осужденія, соединивъ съ Собою осужденное, ставъ за всѣхъ всѣмъ, что составляетъ насъ, кромѣ грѣха, — тѣломъ, душою, умомъ, — всѣмъ, что проникла смерть. А общее изъ всего этого есть человѣкъ, по умозерцаемому видимый Богъ“. Божественное и человѣческое, вѣчное и временное, небесное и земное навсегда внѣ Христа останутся раздѣленными бездною противоположности, но во Христѣ уничтожается и разрѣшается въ полную гармонію противорѣчіе конечнаго и безконечнаго, Божественнаго и человѣческаго. Для христіанской религіи перестаетъ быть скверною или нечистымъ міръ, тѣло, естественная человѣческая жизнь, все человѣческое, кромѣ грѣха, потому что все это Богъ освятить, призналъ и благословилъ Своимъ соединеніемъ съ человѣчествомъ во Христѣ. Низшее, естественное и матеріальное, не отрицается и не противоплагается какъ зло добру, а утверждаетъ, примиряется съ Божественнымъ, возводится къ высшему совершенству. Каждый христіанинъ въ своемъ отношеніи къ міру долженъ быть полнымъ отображеніемъ Христа: намъ показанъ примѣръ не отрицанія жизни и бѣгства отъ нея, а утвержденія жизни внесеніемъ въ нее высшаго, Божественнаго содержанія и смысла, — примѣръ преодоленія міра, побѣды надъ нимъ или улучшенія его путемъ преображенія его Божественною стихіею, духомъ и началами Христіанской религіи. Все естественное и человѣческое должно быть проникнуто Божественнымъ, смертное — безсмертнымъ, матеріальное — ду-

ховнымъ, что бы сдѣлаться *Богочеловѣческимъ*, какимъ оно явилось прежде всего въ Первенцѣ и Главѣ челоуѣчества, Іисусѣ Христѣ.

Другими словами выражая все сказанное, догматъ о Боговоплощеніи является самымъ естественнымъ принципомъ примиренія христіанства съ культурою и основой всесторонняго пониманія христіанской религіи, исключаящаго отрицательное отношеніе къ жизни. Идея Богочеловѣчества въ этомъ смыслѣ, какъ извѣстно, нашла себѣ раскрытіе и широкое примѣненіе въ богословско-философскомъ міросозерцаніи Вл. Серг. Соловьева, куда она вошла въ качествѣ краеугольной идеи. Но въ этомъ отношеніи Влад. Соловьевъ имѣлъ въ русскомъ богословіи предшественника въ лицѣ знаменитаго архим. *Теодора Бухарева*, пытавшагося провести въ богословскую науку и въ жизнь эту идею въ борьбѣ съ господствующимъ, псевдо-аскетическимъ или іудействующимъ, направлениемъ богословія своего времени, которое нашло себѣ воплощеніе въ лицѣ извѣстнаго В. И. Аскоченскаго, редактора журнала „Домашняя Бесѣда“. Къ сожалѣнію, борьба эта окончилась трагически и истина не увѣнчалась тогда успѣхомъ, хотя было нѣсколько сочувствовавшихъ богослову лицъ (которыхъ могло и совсѣмъ не быть). Оригинальная личность о. архм. Бухарева и его богословско-литературная дѣятельность обрѣли себѣ, по смерти, достойнаго историка въ лицѣ профессора Знаменскаго, со свойственнымъ ему талантомъ оживившаго въ нашей памяти одну изъ интереснѣйшихъ страницъ въ исторіи отечественной богословской науки,—тѣмъ болѣе, что сообщаемое изъ эпохи 60-хъ годовъ не утратило своей свѣжести и живучести даже доселѣ ¹⁾. Какъ видѣли, іудейское теченіе въ области христіанской мысли и жизни (гл. V) не есть что-либо здѣсь случайное, но основано на непреходящемъ принципѣ низшаго порядка, препобѣждаемомъ въ христіанствѣ, силою и духомъ его. Поэтому въ эпохи оскуднѣнія христіанскаго духа и силы вѣры естественно процвѣтаетъ низшее, іудействующее направленіе въ жизни и богословіи.

¹⁾ См. ст. „Богословская полемика 1860-хъ годовъ объ отношеніи православія къ современной жизни“ (*Правосл. Собесѣдникъ* 1902 г.) и „Печальное двадцатипятилѣтіе“ (*Тамъ же* 1895 г.).

Увы, въ русскомъ богословіи по моему мнѣнію, мною выстраданному (не скрываю), пока не наблюдается особенныхъ перемѣнъ къ лучшему въ этомъ отношеніи послѣ арх. Теодора: и доселѣ не переводятся преемники духа Виктора Аскоченскаго, безъ его однако литературнаго таланта (—хорошо хоть и это!..) ¹⁾.

Скажемъ нѣсколько словъ о принципѣ примиренія христіанства и культуры, основанномъ на краеугольномъ ученіи христіанства о Боговоплощеніи. Положеніе о согласіи христіанства и культуры, устанавливаемое на этомъ пути, безспорно имѣетъ значеніе богословскаго вывода. Выводъ этотъ сдѣланъ правильно изъ догмата воплощенія. Но болѣе прямой и всѣмъ доступный путь къ убѣжденію въ согласіи христіанства и культуры открывается прямо самимъ евангельскимъ ученіемъ о царствѣ Божіемъ. По ученію этому естественное, мірское, входитъ, какъ матеріаль, въ то Богочеловѣческое строеніе, которое именуется царствомъ Божіимъ; все естественное, мірское, есть тѣсто, силою евангельской закваски имѣющее претвориться въ новое, высшее смѣшеніе, именуемое царствомъ Божіимъ. Поэтому невниманіемъ къ евангельскому ученію о царствѣ Божіемъ, думается, прежде всего слѣдуетъ объяснять широкое господство односторонняго понятія о христіанствѣ, котораго держались противники о. Бухарева и держатся ихъ нынѣшніе преемники. Они, конечно, принимаютъ и знаютъ догматъ воплощенія Сына Божія, но, видно, не этимъ дог-

---

¹⁾ „Можно было“, пишетъ проф. Знаменскій, „перекричать слабый голосъ немногихъ „новыхъ богослововъ“ и, въ частности,—голосъ архм. Теодора, за всѣхъ нихъ пострадавшаго“, но противники ихъ „не поняли, что направленія этого они вовсе не побѣдили и не могли побѣдить; что не имъ, а ему именно и принадлежитъ вся будущность въ процессѣ какъ христіанскаго развитія общества, такъ развитія и самой богословской науки“.. Въ области мысли побѣда всегда остается въ концѣ концовъ за истиною, а не за большинствомъ. Если это хотѣлъ сказать почтенный авторъ, то я съ нимъ согласенъ, но что касается современныхъ „новыхъ богослововъ“, продолжателей направленія архм. Бухарева и его единомышленниковъ (или, вѣрнѣе, истинно-православныхъ богослововъ), то они далеко не хозяева положенія и противники ихъ имѣютъ надъ ними явный перевѣсъ численности и сплоченности. Впрочемъ послѣдніе идутъ подъ гору и сами себя роютъ яму невниманіемъ къ „знаменіямъ времени“, ихъ непониманіемъ.

матомъ, главнымъ образомъ, гарантируется широкое и правильное пониманіе христіанства, а усвоеніемъ евангельской идеи царства Божія.

Основная мысль того богословскаго направленія, въ неравной борьбѣ съ которымъ палъ о. Бухаревъ, кратко выражена въ одномъ великолѣпномъ изреченіи Виктора Пшатиновича Аскоченскаго, которое я здѣсь привожу, съ приближенной точностью, на память по статьѣ проф. Знаменскаго. „Православіе сіяетъ міру, во злѣ лежащему, только на горахъ аеонскихъ и кіевскихъ, на горахъ московскихъ и уральскихъ (?),—сіяетъ міру во всей своей рѣзкой противоположности ему“... Вотъ каково православіе Аскоченскаго и „аскоченствующихъ“ богослововъ! Изъ религіи высочайшаго синтеза противорѣчій мысли и бытія христіанство превращается здѣсь въ подобіе буддизма, манихейства и другихъ одностороннихъ человѣческихъ ученій, упрощающихъ задачу отрицаніемъ цѣлой половины бытія...

Крайности вездѣ сходятся. Въ обособленіи религій отъ жизни сходятся между собою и невѣріе (раціонализмъ), и ложная вѣра: тѣ и другіе заключаютъ царство Божіе внутри людей съ удаленіемъ евангелія изъ жизни внѣшней, причемъ одни церковь замѣняютъ царствомъ Божіимъ (раціоналисты), а другіе—царство Божіе церковью (односторонне-вѣрующіе). Такимъ образомъ, по своимъ послѣдствіямъ традиціонно-богословское понятіе о царствѣ Божіемъ, отождествляющее послѣднее съ церковью, совпадаетъ съ узко-этическимъ понятіемъ раціонализма, и потому отождествленіе церкви и царства Божія должно быть оставлено въ богословіи совершенно. Это будетъ первымъ шагомъ къ обновленію богословія, въ которомъ послѣднее настоятельно нуждается.

Введеніе идеи царства Божія въ весь кругъ богословско-христіанскаго знанія есть второе и при этомъ главное условіе въ дѣлѣ обновленія богословія. Конечно, обновленіе богословія можетъ быть достигнуто не механическимъ введеніемъ въ него идеи царства Божія, а ея органическимъ усвоеніемъ: усвоенію такой универсальной христіанской идеи, какъ разсматриваемая, должно соответствовать, конечно, нѣкоторое расширеніе христіанскаго духа и христіанскаго сознанія... Послѣднее требуетъ для себя и внѣшнихъ благоприятныхъ условій въ области церковно-религіозной и об-

щественной. Несомнѣнно, одна изъ главнѣйшихъ причинъ узкости, безжизненности и худосочія богословской мысли заключается въ отрѣшенности отъ жизни, замкнутости той среды, гдѣ единственно она у насъ существуетъ. Величайшее благо христіанской религіи, каковымъ служить христіанское знаніе, христіанское просвѣщеніе, у насъ изъ общехристіанскаго блага и права сдѣлалось привиллегією одного только духовнаго сословія вслѣдствіе того, что полное христіанское просвѣщеніе приурочено къ спеціальнымъ и сословнымъ духовно-учебнымъ заведеніямъ. Это не могло не отразиться самымъ нежелательнымъ образомъ на богословской наукѣ.

Гдѣ-же исходъ изъ такого положенія вещей? Исходъ и отчасти начало рѣшенія общаго большого вопроса („церковнаго вопроса“) указываютъ въ сліяніи средней духовной школы со свѣтскою или съ гимназією и въ учрежденіи богословскихъ факультетовъ въ русскихъ университетахъ (въ замѣнъ или наряду съ духовными академіями) ¹⁾...

Вопросъ объ учрежденіи богословскихъ факультетовъ въ нашихъ университетахъ имѣетъ свою исторію, и исторія эта не закончена: этотъ большой вопросъ снова возникнетъ въ ближайшемъ будущемъ,—и съ удвоенною силою. Въ какомъ направленіи и какъ долженъ рѣшаться этотъ, стоящій на очереди, вопросъ именно на почвѣ чистой богословской науки, имѣющей въ виду одно только теоретическое выясненіе истины, а не практическое примѣненіе ея къ жизни? Правильное разрѣшеніе и этотъ жизненный вопросъ можетъ скорѣе получить на почвѣ правильнаго понятія о царствѣ Божіемъ, нами здѣсь изложеннаго.

Можно-ли одобрить или оправдать во имя царства Божія указанное печальное явленіе превращенія общехристіанскаго блага религіознаго знанія въ сословную привиллегію или профессію? Конечно нѣтъ: это было бы препятствіемъ для осуществленія царства Божія. Мы видѣли, что реальное свое осуществленіе или воплощеніе на землѣ царство Божіе можетъ находить лишь въ христіанскомъ обществѣ или въ

¹⁾ Кавелина. Собраніе сочиненій, т. III, стр. 82—92; ср. *Церковный Вѣстникъ* 1899, № 10, ст. „По поводу отзыва К. Кавелина о православномъ русскомъ духовенствѣ“.

христіанскомъ государствѣ (гл. IV). Никакое государство, конечно, не можетъ быть христіанскимъ безъ надлежащаго, всеобщаго въ немъ христіанскаго просвѣщенія. Это такая истина, противъ которой грѣшно спорить. У насъ полное христіанское просвѣщеніе, по крайней мѣрѣ—то, что приблизительно заслуживаетъ этого имени, сосредоточено лишь въ духовно-учебныхъ школахъ, имѣющихъ типъ сословный, въ свѣтской же школѣ христіанское просвѣщеніе является случайнымъ и добавочнымъ элементомъ подъ видомъ такъ называемаго „закона Божія“. Непригодность такой постановки религіознаго образованія въ нашей свѣтской школѣ есть фактъ общепризнанный. Этотъ фактъ не можетъ быть устраненъ, во всей его цѣлости, увеличеніемъ числа уроковъ по закону Божію въ гимназій и самою идеальною постановкою богословія въ высшей школѣ...

Такъ что же дѣлать?

Прот. П. Я. Свѣтловъ.

Кіевъ
10 марта 1903 г.
